ОТГОЛОСКИ

14 ДЕКАБРЯ

1825.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ОДНАГО НЕДЕКАБРИСТА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

НѢКОТОРЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Четвертое изданіе.

(Das Echo des 14. Dezember 1825.)
(Vierte Auflage.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

* * *

Отрывки эти были написаны однимъ современникомъ Декабристовъ, будущимъ лично въ близкихъ сношеніяхъ съ ними, но не раздѣлающимъ образа ихъ мыслей.

Каждая подробность, даже и непріязненно высказанная, или безъ глубокаго пониманія о великихъ мученикахъ и дѣятеляхъ 14 Декабря, очень важна для русскаго народа.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ПЕСТЕЛЬ

полковникъ и командиръ вятскаго пѣхотнаго полка. Достойно замѣчанія, что первенствующимъ изъ заговорщиковъ былъ сынъ жестокосердаго проконсула, врага всякой свободной идеи, всякаго благороднаго порыва. Отецъ его, Иванъ Борисовичъ Пестель, былъ человѣкъ очень умный, хорошо образованный, можетъ быть и честный, но суровый, жестокій, неумолимый. При императорѣ Павлѣ былъ онъ почтдиректоромъ въ Петербургѣ, а братъ его въ той-же должности въ Москвѣ. Однажды призываютъ его къ императору. Павелъ въ гнѣвѣ говоритъ ему: „вы, *сударь*, должны брать примѣръ съ вашего брата. Онъ удержалъ одну иностранную газету, въ которой было сказано, будто я велѣлъ отрѣзать уши мадамъ Шевалье, а вы ее выпустили въ свѣтъ. На что это похоже?“ Пестель отвѣчалъ, не смутившись: „Точно выпустилъ, государь, именно для того, чтобы обличить иностранныхъ враліей. Каждый вечеръ публика видитъ въ

театрѣ, что у неи уши цѣлы и, конечно, смѣется надъ нелѣпостью выдумки.“ — „Правда! я виноватъ. Вотъ, сказалъ Павелъ (написавъ нѣсколько словъ на лоскуткѣ бумаги объ отпускѣ изъ кабинета бриліантовыхъ серегъ въ 6000 руб.), поѣзжай въ кабинетъ, возьми серги, отвези къ ней и скажи, чтобы она надѣла ихъ непремѣнно сегодня, когда выйдетъ на сцену.“

Впослѣдствіи Пестель былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири и затмилъ собою подвиги Клейва, Гастина и имъ подобныхъ тирановъ. Сибирь стонала подъ жесточайшимъ игомъ. Пестель окружилъ себя злодѣями и мошенниками, и первымъ изъ нихъ былъ Николай Ивановичъ Трескинъ, гражданскій губернаторъ иркутскій. До сихъ поръ живо въ Сибири воспоминаютъ о тѣхъ временахъ.

Пестель долго управлялъ Сибирью изъ Петербурга, для того, чтобъ ему не *подсидѣли* у двора. Жилъ онъ на Фонтанкѣ, насупротивъ Михайловскаго замка, на одномъ крыльцѣ съ Пукаловою, любовницею Аракчеева, и чрезъ нее держался у него въ милости.

При всемъ томъ, онъ считалъ себя самымъ честнымъ и справедливымъ человѣкомъ, гонителемъ неправды и притѣсненія. Однажды, разсказывалъ мнѣ сынъ его Бо-

рисъ Ивановичъ, не спалъ онъ цѣлую ночь отъ негодованія на неправосудіе людей, видѣвъ наканунѣ на нѣмецкомъ театрѣ драму, въ которой былъ выставленъ безсовѣстный судья.

Старый Пестель былъ малорослый толстякъ. Жена его, урожденная фонъ Крохъ (дочь сочинительницы „Писемъ объ Италіи и Швейцаріи“, урожденной фонъ Дицъ), была женщина умная, и не только образованная, но и ученая. Не знаю, какъ она уживалась съ своимъ тираномъ (хотя, впрочемъ, политическіе тираны бываютъ иногда самыми нѣжными мужьями), но дѣтямъ своимъ, особенно старшему Павлу, внушала она высокомѣріе и непомѣрное честолюбіе. Въ немъ было нѣчто іезуитское. Ума онъ былъ необыкновеннаго, поведенія безукоризненнаго. Онъ и братъ Владиміръ воспитывались въ Дрезденѣ, подъ руководствомъ умной и просвѣщенной бабки . . .

Я долженъ замѣтилъ здѣсь, почему зналъ Пестеля. У меня былъ въ пансіонѣ (когда я служилъ старшимъ учителемъ въ петровской школѣ) третій сынъ его Борисъ Ивановичъ, мальчикъ не глупой, но злой нравомъ; въ дѣтствѣ у него отняли ногу, послѣ какой-то болѣзни, и это имѣло вліяніе на его характеръ. Отецъ привезъ его ко мнѣ (въ 1810 году), вмѣстѣ со старшими сыновьями,

Павломъ и Владиміромъ, только что возвратившимися изъ Дрездена, гдѣ они видѣли Наполеона. Я спросилъ у Павла Ивановича, каковъ теперь собою Наполеонъ. Говорятъ, де, что потолстѣлъ? Павелъ Ивановичъ сказалъ, смѣючись и указывая на отца, который стоялъ спиною къ намъ: „вотъ точно какъ батюшка.“

Возвращеніе Павла Пестеля въ Россію и поступленіе его на службу, сопровождалось замѣчательными обстоятельствами. Онъ былъ камеръ-пажемъ и по прибытіи въ Петербургъ явился въ корпусъ на выпускной экзаменъ. Это было въ Мартѣ 1812 года. До явки его конченъ былъ общій экзаменъ и камеръ-пажъ Владиміръ Адлербергъ (нынѣ министръ двора) удостоенъ былъ перваго нумера. Это было въ то время очень важно. Первый по экзамену, получалъ чинъ поручика гвардіи и дорогую дорожную шкатулку; второй — чинъ подпоручика; прочіе выпускались прапорщиками. Приказано было сдѣлать экзаменъ Пестеля. Оказалось, что онъ былъ по наукамъ и языкамъ несравненно выше Адлерберга. Ему слѣдовалъ первый призъ. Пошли хлопоты и интриги. Мать Адлерберга (начальница Смольнаго монастыря) бросилась съ просьбою къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ: „Мой-де сынъ учился съ успѣхомъ всему, что препо-

дается въ корпусѣ, получилъ прилежаніемъ и успѣхами первое мѣсто. Пріѣхалъ Пестель — и моего Владиміра ставятъ на второе. Да виноват-ли онъ, что его не учили тому, чему, учатъ въ Дрезденѣ? Теперь пріѣдетъ еще какой нибудь профессоръ, и ему должны будутъ уступить наши бѣдныя дѣти. Гдѣ тутъ справедливость? Вступитесь за моего сына.“ Съ другой стороны старикъ Пестель, чрезъ сосѣдку свою Пукалову, искалъ помощи у верховнаго судьи. Аракчеевъ доложилъ государю, что Адлербергъ награжденъ уже казеннымъ содержаніемъ и обученіемъ, а Пестель не получилъ отъ казны ничего, образовался самъ собою и на свой счетъ, и потому заслуживаетъ преимущества. Государь отвѣчалъ и матушкѣ своей и другу, что поступитъ по всей справедливости, и когда кандидаты въ герои явились къ нему на смотръ, сказалъ имъ: „господа, поздравляю васъ всѣхъ прапорщиками новаго гвардейскаго литовскаго (нынѣ московскаго) полка . . .“

. . . Пестель служилъ усердно и честно, былъ храбръ въ сраженіяхъ и человѣколюбивъ послѣ боя. Въ 1814 году онъ былъ адъютантомъ графа Витгенштейна. Его послали однажды съ немногими, съ казаками, съ какимъ-то порученіемъ въ Барьсюръ-Объ. Прискакавъ въ городокъ, Пе-

стель видитъ на улицахъ большое смятеніе. Баварцы вытѣснили французовъ, недавнихъ своихъ союзниковъ, и грабятъ немилосердно. Изъ однаго дома несутся раздирающіе крики. Пестель входитъ туда съ казакомъ, и видитъ, что три баварца вытаскиваютъ тюфякъ изъ подъ умирающей старухи. Она кричитъ и проситъ пощады. Пестель сталъ было уговаривать солдатъ, чтобы они сжалились надъ несчастною, и когда они отвѣчали ему ругательствами, они приказалъ казакамъ выгнать негодяевъ нагайками. Когда они выбѣжали на улицу, раздался голосъ баварскаго маіора, стоявшаго у окна втораго этажа въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ: „что это значитъ? бьютъ людей какъ собакъ! какъ вы смѣете!“ Пестель оглянулся и закричалъ казакамъ: „стащить скотину!“ Маіора стащили и тутъ-же высѣкли. Грабежъ кончился. Баварское начальство хотѣло жаловаться, но Витгенштейнъ замѣтилъ, чтобъ не доводили этого до свѣденія Александра, тогда было-бы еще хуже. Впослѣдствіи Пестель дослужился до полковника и былъ комендантомъ въ Подоліи. При началѣ греческаго возстанія, его посылали въ Молдавію и Валахію, чтобы узнать о причинахъ и свойствѣ этого возстанія. Въ донесеніи своемъ, онъ развилъ ту мысль, что гре-

ческое движеніе есть то-же самое, что освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига. Эта мысль очень понравилась Александру. Онъ принялъ донесеніе благосклонно, но грекамъ какъ извѣстно не помогалъ. Лица, замыслившія заговоръ, не могли не принять Пестеля, и онъ вскорѣ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ его. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Я видалъ его въ собраніяхъ масонскихъ ложъ. Онъ молчалъ и наблюдалъ за другими. Роста былъ не высокаго, имѣлъ умное, пріятное, но серьозное лицо. Особенно отличался онъ высокимъ лбомъ и длинными передними зубами. Уменъ и зубастъ! Участіе его въ замыслахъ революціи явствуетъ изъ оффиціальныхъ бумагъ... При слѣдствіи и судѣ, онъ велъ себя твердо и рѣшительно... Есть слухи, что онъ предъ смертію не хотѣлъ исповѣдаться и причаститься. Это неправда: его не было въ спискѣ особъ причащавшихся у православнаго священника, потому, что онъ былъ лютеранинъ. Его пріобщалъ тогдашній пасторъ и суперъинтендентъ Рейнботъ, жившій въ то время подлѣ меня на Черной рѣчкѣ. Въ первомъ часу ночи, пріѣхалъ къ нему адъютантъ генералъ-губернатора (чуть-ли не нынѣшній оберъ-форшнейдеръ, завѣдывающій просвѣщеніемъ Россіи), разбудилъ и просилъ при-

ѣхать въ крѣпость, для напутствія приговоренныхъ къ смерти преступниковъ. Рейнботъ, впослѣдствіи, разсказывалъ мнѣ о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Пестелемъ. Онъ нашелъ его не упадшимъ въ духѣ, но въ тревожномъ состояніи. Послѣ первыхъ словъ о поводѣ къ этому свиданію, Пестель началъ говорить о своемъ дѣлѣ, сталъ оправдываться, жаловаться на несправедливость суда и приговора, причемъ безпрестанно хватался за галстухъ. Рейнботъ, выслушавъ его снисходительно, сказалъ ему: „теперь вамъ не до свѣта и не до его мнѣнія, вы должны помнить о томъ, что вскорѣ явитесь предъ Богомъ". Въ дальнѣйшей бесѣдѣ, Пестель еще порывался оправдываться, но Рейнботъ наводилъ его на предметъ своего посѣщенія. Наконецъ Пестель покорился, исполнилъ обрядъ съ благоговѣніемъ и просилъ пастора передать послѣднее прости его роднымъ. Вообще онъ показался Рейнботу неоткровеннымъ даже въ эту великую минуту.

КОНДРАТІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ РЫЛѢЕВЪ

соучастникъ Пестеля, но самая рѣзкая ему противуположность. Небогатый дворянинъ, онъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ кор-

пусѣ, выказывалъ съ дѣтства большую любознательность, учился хорошо чему учили въ корпусѣ, велъ себя порядочно, но былъ непокоренъ и дерзокъ съ начальниками и съ намѣреніемъ подвергался наказаніямъ; его сѣкли нещадно; онъ старался выдержать характеръ, не произносилъ ни жалобъ, ни малѣйшаго стона, и ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру. Онъ былъ выпущенъ въ артиллерію, потомъ вышелъ въ отставку и былъ выбранъ дворянствомъ въ засѣдатели петербургской уголовной палаты. Здѣсь онъ служилъ усердно и честно, всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ беззащитныхъ людей. Въ то-же время былъ онъ правителемъ дѣлъ правленія россійской американской компаніи; какъ я слышалъ отъ тогдашняго директора компаніи И. В. Прокофьева, онъ въ началѣ своего служенія, трудился ревностно и съ большею пользою, но потомъ охладѣлъ къ службѣ и валилъ ***черезъ пень колоду*** . . . На образъ мыслей кадета Рылѣева имѣла сильное вліяніе „Сокращенная Библіотека“ *), составляемая для чтенія кадетъ учителемъ корпуса Желѣзняковымъ, кото-

*) Сокращенная Библіотека въ пользу господамъ воспитанникамъ Перваго Кадетскаго Корпуса, 3 части. Спб. 1800—1804. (По 12-ю д. л.)

рый помѣщалъ въ ней цѣликомъ разные республиканскіе разсказы, описанія, рѣчи, изъ тогдашнихъ журналовъ.

Рылѣевъ, котораго мы обыкновенно называли *цвибелемъ*, былъ не формальный революціонеръ, а фанатикъ... Фанатизмъ силенъ и заразителенъ, и потому неудивительно, что мало образованный Рылѣевъ успѣлъ увлечь за собою людей, которые были несравненно выше его, не только по образованію но даже и по уму, напримѣръ Александра Бестужева. Однажды шли они вдвоемъ изъ засѣданія „Общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія" и толковали, какимъ образомъ можетъ быть направлено это общество къ какой-либо высшей практической цѣли. Тогда Рылѣевъ открылъ Бестужеву о замыслахъ нѣкоторыхъ, какъ онъ говорилъ, благородныхъ людей, имѣющихъ цѣлью преобразованіе Россіи, и взялъ съ него слово приступить къ этому союзу. Съ Николаемъ Тургеневымъ Рылѣевъ познакомился у меня, 4 Октября 1822 г., на празднованіи десятилѣтія „Сына отечества". Меня и многихъ изумило, что аристократъ и гетингенскій буршъ, долго бесѣдовалъ съ плебеемъ и кадетомъ, который даже не говорилъ по французски. Могли-ли мы воображать, о чемъ они толкуютъ и чѣмъ покончитъ бѣдный цвибель.

Рылѣевъ сдѣлался двигателемъ и душою тайнаго общества, набиралъ членовъ, внушалъ имъ свои революціонныя идеи, писалъ сатирическіе и возмутительные стихи... 12 Декабря, на бывшемъ у него въ квартирѣ собраніи заговорщиковъ, онъ вынудилъ у нихъ согласіе взбунтовать войска и народъ 14 числа и потомъ при слѣдствіи самъ объявилъ, что былъ главнымъ двигателемъ, и если-бы хотѣлъ, то могъ-бы все остановить. 14 Декабря Рылѣевъ самъ не сражался на площади, но разъѣзжалъ повсюду, поощрялъ своихъ товарищей, призывалъ народъ къ возстанію... По окончаніи сраженія, Рылѣевъ скитался не знаю гдѣ, но къ вечеру пришелъ домой. У него собралось нѣсколько заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ на площади, между прочими баронъ Штейнгель. Они сѣли за столъ и закурили сигары. Булгаринъ, жестоко ошеломленный взрывомъ, о которомъ онъ имѣлъ темное предчувствіе, пришелъ къ нему часовъ въ восемь, и нашелъ всю компанію преспокойно сидящую за чаемъ. Рылѣевъ всталъ, отвелъ его въ переднюю и сказалъ: „Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ступай домой. Я погибъ! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка!“ Поцѣловалъ его и выпроводилъ изъ дому. Онъ не только не устрашался смерти, но даже встрѣчалъ ее съ

гордою радостію ... Онъ былъ изъ числа тѣхъ трехъ несчастныхъ, которые сорвались съ петли и были повѣшены вторично. Говорятъ, онъ сказалъ при томъ: „и въ этомъ неудача!“

РЫЛѢЕВУ.

Люби и пой, товарищь мой,
Богатой юности былое.
На полѣ чести славный бой,
Любви побѣды надъ собой
И все для сердца дорогое.
Ты помнишь первый нашъ бивакъ
Подъ свѣтлымъ заревомъ, въ дубравѣ,
И къ первой битвѣ данный знакъ
И мысль неопытныхъ о славѣ;
И жизнь въ обманчивой красѣ,
Ея мишурныя игрушки,
Минуты радостныя всѣ
И образъ маленькой пастушки!
Ты помнишь мѣсто — въ первый разъ
Куда волшебница являлась,
И гдѣ душа воспламенялась
Огнемъ ея прелестныхъ глазъ.
Пусть измѣнитъ любовь и время,
И умъ и память отлетятъ:
Влача безжизненнное бремя,
Ты будешь все еще богатъ ...
Онѣ пойдутъ съ тобой до гроба —

Твои прекрасныя мечты,
И вы умрете вмѣстѣ оба —
Воспоминанія и — ты.

1824 г. Н. Коншинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. Ѳ. РЫЛѢЕВА,
не вошедшія въ послѣднее полное собраніе его сочиненій.

I.
Александру I-му.

Ужасенъ времени полетъ
И для самихъ любимцевъ славы!
Еще, о царь, въ пучину лѣтъ
Умчался годъ твоей державы;
Но не прошла еще пора,
На перекоръ судьбы и року,
Какъ прежде, быть творцомъ добра
И грознымъ одному пороку.

Обѣтомъ связанный святымъ
Идти во слѣдъ Екатеринѣ,
Ты будешь подданнымъ своимъ
Посломъ небесъ, какъ былъ до нынѣ.
Ты понялъ долгъ святой царя,
Ты знаешь цѣну человѣка
И, къ благу общему горя,
Ты разгадалъ потребность вѣка.

Благотворить — героевъ цѣль.
Для сердца твоего не чужды

Права народовъ и земель
И ихъ существенныя нужды.
О царь! весь міръ глядитъ на насъ
И ждетъ иль рабства, иль свободы!
Лишь Александровъ можетъ гласъ
Отъ бурь и бѣдъ спасать народы . . .

Смотри — священная война!
Земля потомковъ Ѳемистокла
Костьми сыновъ удобрена
И кровью греческой промокла.
Быть-можетъ, яростью дыша,
Еллады жонъ не внемля стону,
Аѳины взявъ, Курдишъ-Паша
Крушитъ послѣднюю колонну.

Взгляни на Западъ! — тамъ въ борьбѣ
Власть незаконная съ законной,
И брошенъ собственной судьбѣ
Съ царемъ испанецъ непреклонной.
Вездѣ броженіе умовъ,
Вездѣ иль жалобы, иль стоны,
Оружій громъ, иль звукъ оковъ,
Иль упадающіе троны.

Равно ужасны для людей
И мятежи, и самовластье.
Гроза народовъ и царей —
Не имъ доставить міру счастье!
Опасны для вѣнчанныхъ главъ
Не частныхъ лицъ вражды и страсти,

А дерзкое презрѣнье правъ,
Чрезмѣрность, иль дремота власти.

Спѣши жь, монархъ, на подвигъ свой,
Какъ витязь правды и свободы,
На подвигъ славный и святой —
Съ царями примирять народы!
Не вѣрь внушеніямъ чужимъ,
Страшись коварныхъ душъ искуства:
Судьями подвигамъ твоимъ
И міръ и собственныя чувства.

1821.

II.

Узникъ.

Не слышно шуму городского,
За невской башней тишина,
Лишь на штыкѣ у часового
Блеститъ полночная луна.

А бѣдный юноша, ровесникъ
Младымъ, цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню,
Передаетъ тоску волнамъ:

„Прости мой домъ, мой кровъ любезный,
Прости навѣкъ моя семья!
Здѣсь за рѣшоткою желѣзной
Уже не свой вамъ больше я!

„Прости отецъ, прости невѣса!
Сломись вѣнчальное кольцо!

Отнынѣ здѣсь мое ужь мѣсто;
Не быть мнѣ мужемъ и отцомъ.

„Сосваталъ я себѣ неволю;
Мой жребій — слезы и тоска;
Но я молчу: такую долю
Взяла сама моя рука.

„Когда жь наступитъ избавленье?
Когда жь придетъ бѣдамъ конецъ?
Но есть на свѣтѣ Провидѣнье
И на святой Руси отецъ.

„О. русскій царь! въ твоей коронѣ
Есть драгоцѣннѣйшій алмазъ;
Онъ значитъ: милость есть на тронѣ.
О. русскій царь. помилуй насъ!“

Давно ужь солнце на закатѣ —
Лучъ Феба больше не сіялъ,
А бѣдный узникъ въ казематѣ
Все ту же пѣсню напѣвалъ.

1826.

III.

Посланіе къ женѣ.

Ударитъ часъ, часъ смерти роковой
И погрузитъ меня въ сонъ тяжкій, гробовой.
Виновную главу, безъ ропота, безъ страху,
Съ однимъ раскаяньемъ твой другъ несетъ на плаху.
Но грозной казни страхъ, позорной смерти стыдъ,

Въ послѣдніе часы мнѣ душу тяготитъ.
Съ зарею утренней моя свершится доля . . .
Да будетъ надо-мной Небесъ святая воля!
А ты, кто восемь лѣтъ счастливила меня,
Кѣмъ въ жизни я позналъ всю сладость бытія,
О, другъ мой, за любовь, за ласки, попеченья
Предсмертныя мои прими благодаренья!
Пекись о дочери, и передай ты ей
Всѣ сладости любви и красоты твоей!
Въ печальномъ мірѣ семъ, гдѣ радостей не много,
Я оставляю васъ подъ кровъ живого Бога:
Онъ будетъ вамъ одинъ надежный, вѣрный щитъ;
Онъ благостью своей васъ, милыхъ, охранитъ.
Мнѣ ваше счастіе — послѣднее желанье . . .
Но время! . . . слышу зовъ . . . О, другъ мой! до свиданья! . . .

1826.

IV.

Пѣсня.

Ужъ какъ шелъ кузнецъ
Да изъ кузницы —
Слава!
Несъ кузнецъ
Три ножа —
Слава!
Первый ножъ
На бояръ, на вельможъ —
Слава!

Второй ножъ
На поповъ, на святошъ —
Слава!
А молитву сотворя,
Третiй ножъ на царя —
Слава!

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ,

сынъ бывшаго въ Мадритѣ русскимъ посланникомъ Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола (человѣка необыкновеннаго ума, познанiй, учености и талантовъ), получилъ воспитанiе въ Парижѣ, въ политехническомъ училищѣ, служилъ въ Семеновскомъ полку, и былъ во время такъ-называемой семеновскоiй исторiи (въ 1820 году) командиромъ одной изъ ротъ, оказавшихъ неповиновенiе. Онъ былъ любимъ и уважаемъ своими солдатами, употреблялъ всѣ средства, чтобы удержать ихъ, но не успѣлъ въ томъ. Его перевели въ армiю подполковникомъ въ Черниговскiй пѣхотный полкъ. Я видалъ Сергѣя Ивановича въ домѣ Алексѣя Николаевича Оленина; онъ былъ не очень сообщителенъ, но учтивъ, привѣтливъ и прiятенъ въ обращенiи. Въ тѣсномъ кругу прiятелей, онъ былъ веселъ и остеръ. Однажды Олениньъ, жалуясь на необразован-

ность нашей публики, сообщилъ, что на одномъ публичномъ чтеніи въ имп. публичной библіотекѣ слетѣло съ верхней галлереи яблоко. — „Cela doit vous faire plaisir“, сказалъ Муравьевъ, „on a écouté avec fruit“. Нравомъ онъ казался очень кротокъ, и въ немъ никакъ нельзя было подозрѣвать того иступленнаго революціонера, того отчаяннаго предводителя бунтовщиковъ, какимъ онъ явился впослѣдствіи . . . По всему видно, что Сергѣй Муравьевъ дѣйствовалъ рѣшительно, твердо, по внутреннимъ убѣжденіямъ, и остался имъ вѣренъ до конца. Онъ привезенъ былъ въ петропавловскую крѣпость въ концѣ Января. Когда его посадили въ казематъ, онъ написалъ на оборотѣ оловянныхъ тарелокъ, на которыхъ подавалось арестантамъ кушаніе: *„Сергѣй Муравьевъ здѣсь!“* Съ тѣхъ-поръ стали давать имъ посуду глиняную. Отцу позволили посѣтить его въ тюрьмѣ. Старый дипломатъ огорчился, увидѣвъ сына своего въ изодранномъ мундирномъ сертукѣ, обрызганномъ кровью (Сергѣй Муравьевъ былъ раненъ, когда его взяли) и сказалъ, что пришлетъ ему другое платье. „Не нужно“, отвѣчалъ сынъ, „я умру съ пятнами крови, пролитой за благо отечества!“ . . .

Достойно замѣчанія, что однимъ изъ первыхъ крикуновъ и либераловъ въ юж-

ной арміи былъ знаменитый впослѣдствіи начальникъ штаба жандармовъ, Леонтій Васильевичъ *Дуббельтъ*. Когда арестовали участниковъ мятежа, всѣ спрашивали: „что-же не берутъ Дуббельта?“ Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что Дуббельтъ, въ послѣдней сей должности, велъ себя какъ честный и благородный человѣкъ, если не сдѣлалъ много добра, то отвратилъ много зла, и старался помочь и пособить всякому. Онъ былъ очень полезенъ при безтолковомъ Бенкендорфѣ и при умномъ, но безпечномъ Орловѣ. Главнымъ недостаткомъ его было, что онъ обѣщалъ многое чего не могъ исполнить. Еще имѣли на него большое вліяніе хорошенькіе глазки.

Братъ Сергѣя Ивановича Муравьева, Ипполитъ убитъ былъ при усмиреніи мятежа при Бѣлой Церкви. Матвѣй Ивановичъ, другой братъ, человѣкъ слабаго тѣлосложенія, малорослый, щедушный (тяжело раненый въ 1813 году) тоже участвовалъ въ движеніи и былъ сосланъ въ Сибирь. По прощеніи осужденныхъ, онъ поселился въ Москвѣ.

ПЕТРЪ КАХОВСКІЙ

уроженецъ Смоленской губерніи, сдѣлался мнѣ извѣстнымъ лѣтомъ когда онъ приходилъ въ гости къ Кюхельбекеру, жив-

шему у меня во время пребыванія семейства моего на дачѣ. Онъ былъ человѣкъ съ виду невзврачный, съ оттопырившеюся губою, которая придавала ему видъ какой-то дерзости. Образованіе его было не дальное. Однажды вечеромъ, когда пилъ я чай съ Кюхельбекеромъ, пришелъ къ нему Каховскій, и между прочимъ разсказывалъ о приключеніяхъ своего дѣтства. Онъ былъ въ какомъ-то пансіонѣ въ Москвѣ, въ 1812 году, когда вступили туда французы. Пансіонъ разбѣжался, и Каховскій остался гдѣ-то на квартирѣ. Въ этомъ домѣ поселились французскіе офицеры и съ мальчикомъ ходили на добычу. Однажды пріобрѣли они нѣсколько стклянокъ разнаго варенія. Надо было откупорить. За это взялся Каховскій, но какъ-то неосторожно засунулъ палецъ въ горлышко стклянки и не могъ его вытащить. Французы смѣялись и спрашивали, какъ онъ освободитъ свой палецъ. „А вотъ какъ!“ сказалъ мальчикъ и, размахнувшись, разбилъ стклянку о голову одного изъ французовъ. Его приколотили за эту дерзость и выгнали . . .

ВИЛЬГЕЛЬМЪ КАРЛОВИЧЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ,

воспитывался въ Лицеѣ съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, учился хорошо и отличался

необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ и необузданнымъ воображеніемъ. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ, неуклюжъ, говорилъ протяжно съ нѣмецкимъ акцентомъ. По выходѣ изъ Лицея. былъ онъ учителемъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій; потомъ поѣхалъ въ чужіе края секретаремъ при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, который было полюбилъ его, но вскорѣ принужденъ былъ съ нимъ разстаться. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ какими-то либеральными литераторами и вздумалъ прочесть на французскомъ языкѣ лекцію въ атенеѣ: *о литературѣ и политическомъ состояніи Россіи,* наполненную идеями, которыя тогда (въ 1820 г.) были въ модѣ. Во время чтенія, одни улыбались, другіе рукоплескали. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размашистое движеніе рукою, сшибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать — и самъ слетѣлъ съ каѳедры. Одинъ сѣдой якобинецъ, слушавшій его со вниманіемъ, поддержалъ его словами: „ménagez-vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous!“ Это не понравилось Нарышкину и онъ разстался съ Кюхельбекеромъ, который пропалъ-бы въ Парижѣ, не случись тамъ въ то время *Василій Ивановичъ Туманскій,* извѣстный поэтъ, другъ Пушкина и притомъ истинно

благородный и добрый человѣкъ. Онъ-то помогъ Кюхельбекеру пробраться обратно въ Россію. Здѣсь онъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ; издавалъ съ кн. Одоевскимъ журналъ „Мнемозину“; потомъ участвовалъ въ разныхъ изданіяхъ петербургскихъ. Пушкинъ любилъ Кюхельбекера, хотя и подшучивалъ надъ нимъ иногда. Однажды Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили на другой день, отчего онъ не былъ, тотъ отвѣчалъ: „мнѣ что то нездоровилось внутри ужъ наканунѣ; къ тому-же пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома“. Услышавъ это Пушкинъ написалъ:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Кюхельбекеръ взбѣсился и вызвалъ его на дуэль. Пушкинъ принялъ вызовъ. Оба выстрѣлили, но пистолеты заряжены были клюквою и дѣло кончилось ничѣмъ. Жаль, что зарядъ Геккерна былъ не клюковный! Кюхельбекеръ служилъ въ 1824 году и на Кавказѣ, гдѣ пріятелемъ его былъ Грибоѣдовъ, встрѣтившій его у меня и съ перваго взгляда принявшій его за съумасшедшаго. На Кавказѣ онъ тотчасъ надѣлалъ глупостей

и Ермоловъ, называвшій его *Хльбопекаремъ*, выпроводилъ чудака. Въ Петербургѣ онъ занимался литературою и въ послѣднее лѣто (1825 г.) жилъ у меня, когда семейство мое было на дачѣ, какъ я сказалъ выше, говоря о Каховскомъ. Въ Сентябрѣ онъ отъ меня выѣхалъ и поселился въ домѣ Булатова (что нынѣ Китнера), на углу Почтамской улицы и Исакіеской площади. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что онъ приступилъ къ обществу вмѣстѣ со многими другими; потомъ, что его приняли послѣ полученія извѣстія о смерти Александра, или даже на канунѣ происшествія. Въ воскресенье 29 Ноября онъ обѣдалъ у меня, былъ тихъ, скроменъ, изъявлялъ сожалѣніе о смерти государя, и прибавлялъ, улыбаясь: „Добрый былъ человѣкъ Александръ Павловичъ: другой царь не такъ поступилъ-бы со мною!“ 14 Декабря, когда я въ собраніи моего семейства (изъ постороннихъ были притомъ Булгаринъ, племянникъ его, генеральнаго штаба подпоручикъ Д. А. Покрицкій и маклеръ Толченовъ) читалъ манифестъ, раздался громкій звонъ колокольчика въ передней, и вошелъ Кюхельбекеръ, розстроенный . . . и не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ и спросилъ у меня: Qu'est ce que vous lisez là? Je crois, que c'est le manifeste? — Oui, c'est le manifeste. Ecoutez!“ Отошелъ

— и я продолжалъ чтеніе. Когда остановился на одномъ какомъ-то пунктѣ, онъ спросилъ по русски: „А позвольте узнать, отъ котораго числа отреченіе Константина Павловича?“ Я отвѣчалъ: „Я и не видалъ. Посмотримъ: отъ 26 Ноября“. „Отъ 26 Ноября“, возразилъ онъ: „Хорошо! Прощайте!“ Булгаринъ, съ которымъ онъ въ то время былъ на вожахъ, сказалъ ему, подавая руку: „Здраствуйте, Бильгельмъ Карловичъ!“ Онъ отвѣчалъ: „Здравствуйте и — прощайте!“ Съ сими словами онъ рпнулся изъ комнаты. Матушка спросила меня: „что съ нимъ сдѣлалось?“ „Ничего“, отвѣчалъ я: „вѣроятно пишетъ оду на восшествіе на престолъ.“ Это было часу въ двѣнадцатомъ утра. Вскорѣ потомъ актеръ Каратыгинъ и еще кто-то встрѣтили его идущаго въ изступленіи къ Исакіевской площади. „Слышали-ль вы“, спросилъ одинъ изъ нихъ: „на Исакіевской площади бунтъ.“ — „Знаю!“ отвѣчалъ Кюхельбекеръ: „Это наше дѣло“... Достойно замѣчанія, что люди смѣтливые и проворные не успѣли бѣжать, а взбалмошный *Хлѣбопекарь* ушелъ изъ Петербурга, и ушелъ-бы за-границу, если-бы былъ осторожнѣе. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Кюхельбекеръ бѣжалъ, приняты были всѣ средства, чтобы узнать гдѣ онъ и схватить его. И меня при этомъ тревожили. Въ

самый день 14 Декабря часу въ первомъ ночи. когда всѣ въ домѣ у меня улеглись спать, раздался громкій звонъ колокольчика у дверей. Я вскочилъ съ постели, накинулъ на себя халатъ и вышелъ въ гостинную. Двери отворились и вошелъ полицеймейстеръ Чихачевъ, сопровождаемый отрядомъ санта-хермандада, квартальными, жандармами, драгунами и т. п. Не извинясь въ томъ, что потревожилъ меня, онъ сказалъ: „Извольте отвѣчать на эти вопросы“, и подалъ мнѣ бумагу, на которой было написано: „Гдѣ живетъ Кюхельбекеръ? гдѣ живетъ Каховскій?“ При послѣднемъ имени написано было въ скобкахъ (у Вознесенскаго моста, въ гостинницѣ Неаполь, въ домѣ Мюссара). Было еще нѣсколько именъ, которыхъ не упомню. Я отвѣчалъ: „Кюхельбекеръ живетъ, сколько я знаю, не подалеку отсюда въ домѣ Булатова. У Каховскаго адрессъ показанъ, но вѣрно-ли — мнѣ не извѣстно. О прочихъ не знаю“. — „Точно-ли такъ?“ спросилъ Чихачевъ. „Точно“. „Знаете-ли вы, кто написалъ это? Самъ государь.“ — „Хорошо пишетъ“ сказалъ я. Полицеймейстеръ откланялся. Въ Четвертокъ (17 Декабря) пришелъ ко мнѣ братъ мой, стоявшій въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ двое сутокъ. Мы пошли съ нимъ пройтись по улицамъ, и около четырехъ

часовъ подошли обратно къ моей квартирѣ. Вдругъ увидѣли мы жандарма, который усиливался разобрать прозваніе домохозяина на бляхѣ дома: „Кого тебѣ надо?“ спросилъ я. Онъ назвалъ мою фамилію: „На что тебѣ?“ — „Оберъ-полицеймейстеръ проситъ его прійти тотчасъ къ нему.“ — „Ступай и скажи, что я сей-часъ буду!“ Съ тѣмъ вмѣстѣ сказалъ я брату: „Ты знаешь куда я иду. Если не ворочусь, отыщи меня и приходи ко мнѣ.“ Нашелъ извощика и поѣхалъ. Когда я вошелъ въ гостинную оберъ-полицеймейстера Александра Сергѣевича Шульгина, онъ хватилъ полный стаканчикъ рома, вѣроятно, съ утра не первый, и сказалъ мнѣ довольно учтиво: „Я долженъ попросить у васъ объясненія по одному дѣлу, и прошу васъ сказать сущую правду, по долгу чести и присяги.“ — „И безъ этого предисловія, во всякомъ случаѣ скажу вамъ сущую правду. Что вамъ угодно?“ — „Знаете-ли вы Кюхельбекера?“ — „Знаю, и очень коротко: онъ жилъ у меня все нынѣшнее лѣто.“ — „И вы его узнаете, когда его вамъ покажутъ?“ — „Непремѣнно.“ — „Итакъ пожалуйте.“ Онъ ввелъ меня въ другую комнату. Тамъ поднялся съ софы высокій, худощавый молодой человѣкъ. „Кюхельбекеръ-ли это?“ — „Нѣтъ.“ — „А кто онъ?“ — „Не знаю“. Тогда молодой

человѣкъ возопилъ жалкимъ голосомъ: „Какъ? вы не хотите узнать меня? Сколько разъ видѣли меня у Александра Ѳедоровича Воейкова. Я Протасовъ, племянникъ Александры Андреевны.“ Я вглядѣлся и вспомнилъ, что дѣйствительно его тамъ видалъ. „Довольно“, сказалъ Шульгинъ: „намъ нѣтъ нужды знать кто онъ; довольно того, что онъ не Кюхельбекеръ.“ — „Въ этомъ я могу васъ увѣрить“, сказалъ я, „да какъ вы напали на этаго господина?“ — „Мы ищемъ Кюхельбекера по сообщеннымъ намъ примѣтамъ. Вотъ полиція нашла этого долговязаго господина, какъ онъ кутилъ въ загородныхъ трактирахъ, и наложила на него руку. Извините, что я васъ обеспокоилъ.“ — „Очень радъ, что не больше“, отвѣчалъ я и попросилъ скорѣе отпустить невиннаго. Полиція искала Кюхельбекера по его примѣтамъ, которыя описалъ Булгаринъ очень умно и мѣтко. Но въ Петербургѣ Кюхельбекера не было. Онъ, не знаю какъ, пробрался до Варшавы, и оттуда легко успѣлъ-бы уйти за-границу; если-бы онъ говорилъ и имѣлъ дѣло только съ поляками и жидами, то вѣроятно ускользнулъ-бы отъ поисковъ, но судьба навела его на русскихъ. Онъ вошелъ въ одну харчевню или пивную лавочку въ Прагѣ (предмѣстье Варшавы), и увидѣлъ пирующихъ тамъ солдать, сѣлъ

съ ними, началъ бесѣдовать и вздумалъ ни съ того, ни съ сего подчивать ихъ пивомъ. Въ этой бесѣдѣ открылся онъ весь какъ былъ и какъ описанъ въ примѣтахъ. Одинъ изъ присутствующихъ, унтеръ-офицеръ гвардіи Волынскаго полка Григорьевъ, догадался, кто долженъ быть этотъ взбалмошный угоститель, и закричалъ: „Братцы, возьмите его: это Кюхельбекеръ!“ Раба божія схватили, заковали и отправили въ Петербургъ. Такъ какъ главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ него было то, что онъ мѣтилъ пистолетомъ въ Михаила Павловича, великій князь просилъ о пощадѣ его. Кюхельбекеръ не былъ сосланъ въ Сибирь, а содержался нѣсколько лѣтъ на гаубтвахтахъ, сначала въ Свеаборгѣ и потомъ въ Динабургѣ. Въ послѣдней крѣпости онъ ходилъ на свободѣ и занимался обученіемъ дѣтей коменданта.

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

Прости, поэтъ! судьбина вновь
Мнѣ посохъ странника вручила;
Но къ музамъ чистая любовь
Ужь насъ на вѣкъ соединила.

Прости! Богъ вѣсть, когда опять —
Желанный другъ въ гостяхъ у друга —
Я счастье буду воспѣвать
И нѣгу празднаго досуга!

О, милый мой! все въ даръ тебѣ —
И грусть и сладость упованья!
Молись невидимой судьбѣ:
Она приблизитъ часъ свиданья.

И я, съ пустынныхъ финскихъ горъ,
Въ отчизнѣ браннаго Одена,
Къ ней возведу молящій взоръ,
Упавъ смиренно на колѣна.

Строга ль богиня будетъ къ намъ,
Пошлетъ ли вѣсть соединенья?
Пускай предъ ней сольются *тамъ*
Друзей согласныя моленья!

18 января 1820 года. Е. Баратынскій.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЯКУБОВИЧЪ,

капитанъ знаменитаго Нижегородскаго драгунскаго полка, былъ человѣкъ умный и образованный, но самый коварный изъ всѣхъ участниковъ заговора и мятежа. Въ молодости служилъ въ гвардіи и былъ сосланъ на Кавказъ за участіе въ поединкѣ гр. А. В. Завадовскаго съ Шереметевымъ (который въ немъ былъ убитъ). Грибоѣдовъ, бывшій секундатомъ Завадовскаго, отправился туда на службу, и поступивъ въ кан-

целярію Ермолова, пріобрѣлъ его уваженіе и дружбу. Якубовичъ, недовольный Грибоѣдовымъ по случаю этой дуэли, вызвалъ его въ Тифлисѣ, и говорятъ нарочно ранилъ его въ правую руку, чтобы лишить Грибоѣдова удовольствія играть на фортепьяно. Къ счастью рана была не опасна, и Грибоѣдовъ, излѣчившись, могъ играть попрежнему. Якубовичъ сражался храбро съ горцами, былъ раненъ въ голову и пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1825 года. Онъ ходилъ съ повязкою на головѣ, говорилъ громко, свободно, весьма умно и краснорѣчиво, и вошелъ въ сношеніе съ Рылѣевымъ. Въ немъ заговорщики видѣли нѣчто идеальное, возвышенное. Это былъ Дантонъ новой революціи. 23 Ноября былъ я на имянинахъ Александра Бестужева (въ квартирѣ Ореста Сомова, въ домѣ Американской Компаніи). Бесѣда была пріятельская, веселая, живая, но довольно скромная. Въ одинадцатомъ часу пріѣхалъ изъ театра Якубовичъ и началъ говорить очень дѣльно объ обязанности офицера, отряженнаго на отдѣльный постъ. Онъ утверждалъ, что такой офицеръ не долженъ связываться словами данной ему инструкціи, а обязанъ дѣйствовать по своимъ соображеніямъ. Изъ донесенія слѣдственной коммиссіи видно, что Якубовичъ собственно не вступалъ въ

заговоръ, но обѣщалъ заговорщикамъ свои услуги. Видно, что онъ поступалъ двулично. На площади онъ подходилъ къ государю и предлагалъ ему свои услуги, чтобъ убѣдить мятежниковъ сдаться; государь поручилъ ему сказать имъ, что даруетъ прощеніе всѣмъ, кромѣ главныхъ зачинщиковъ. Якубовичъ пошелъ къ нимъ, и воротясь донесъ, что они не соглашаются. Онъ говорилъ еще что-то въ полголоса. Государь наклонился, чтобъ его выслушать. Вѣроятно Якубовичъ имѣлъ намѣреніе убить государя, но у него не стало духу къ исполненію. Вечеромъ пріѣхалъ онъ въ домъ генералъ-губернатора, чтобъ узнать, что дѣлаетъ графъ Милорадовичъ. Въ это время ѣхалъ къ графу, лежавшему въ конно-гвардейскихъ казармахъ, адъютантъ его, Александръ Павловичъ Бащуцкій. Якубовичъ предложилъ свести его въ своей каретѣ четверкою. Бащуцкій согласился, и, войдя въ карету, почувствовалъ, что сѣлъ на пистолеты. „Это что?“ „Они заряжены“, сказалъ Якубовичъ: „бунтовщики хотѣли меня убить за то, что я не соглашался войти въ заговоръ съ ними“ . . .

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ.

Характеръ его совершенно противоположный предъидущему, добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантовъ, красавецъ собою. Отецъ Бестужева Александръ Ѳедосѣевичъ, умершій рано, былъ, какъ я слышалъ, человѣкъ умный и почтенный. Онъ издалъ двѣ книги о воспитаніи военнаго юношества. Мать была женщина простого званія. Александръ Бестужевъ учился въ горномъ корпусѣ и вступилъ въ военную службу, былъ адъютантомъ у главноуправляющаго путями сообщенія, генерала Бетанкура, а потомъ поступившаго въ ту же должность герцога Александра Виртембергскаго, брата императрицы Маріи Ѳеодоровны. Онъ влюбился было въ прелестную дочь Бетанкура, успѣлъ снискать и ея благоволеніе, но отецъ не соглашался на бракъ его. Бестужевъ впалъ въ уныніе и искалъ развлеченій. Познакомился и подружился съ Рылѣевымъ . . . Мало ему было славы и чести въ русской литературѣ, въ которой онъ явился съ блистательнымъ успѣхомъ и съ нѣкоторыми особенностями въ мысляхъ и оборотахъ, которые, одинъ пріятель назвалъ: ***бестужевскими каплями.*** Повѣсть „Амалатъ Бекъ“ и нѣкоторыя другія, написанныя имъ подъ гнетомъ тяжкихъ

обстоятельствъ, среди тундръ якутскихъ или подъ солдатскою шинелью въ ущеліяхъ Кавказа, свидѣтельствуютъ о его неотъемлемыхъ, своеобразныхъ талантахъ, которые, созрѣвъ въ жизни благопріятной, дали-бы ему почетное мѣсто въ первомъ ряду русскихъ писателей. Онъ просилъ меня изъ Якутска о присылкѣ ему книгъ. Дѣло было щекотливое. Всѣ благонамѣренныя книги — глупы или по крайней мѣрѣ, скучны. Другихъ нельзя было отправить. Что-же я сдѣлалъ? Послалъ ему нѣсколько латинскихъ классиковъ съ переводомъ en regard, и пособія къ ученію латинскаго языка. Онъ этимъ воспользовался, и чрезъ нѣсколько времени сталъ понимать и читать римлянъ, которымъ прежде того вздумалъ было подражать. Въ мятежъ дѣйствовалъ онъ въ московскомъ полку, но не онъ, а капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій переранилъ нѣсколько человѣкъ изъ начальниковъ, старавшихся остановить солдатъ. Потомъ отправился онъ на площадь впереди увлеченнаго баталліона, размахивая саблею и крича: „ура Константинъ! долой Николая! Извести картофельницу!“ (разумѣя Александру Ѳеодоровну). Онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на площади, и по окончаніи сраженія успѣлъ куда-то скрыться. На другой день, услышавъ, что забираютъ людей

невинныхъ, онъ явился вечеромъ на гаубтвахту Зимняго Дворца, и сказалъ дежурному по карауламъ полковнику: „Я Александръ Бестужевъ. Узнавъ, что меня ищутъ. явился самъ!“ Это было произнесено спокойно, просто. Его повели къ государю. Бестужевъ просто и правдиво изложилъ предъ нимъ все, какъ было. Слова Бестужева принимаемы были безъ малѣйшаго сомнѣнія. Государь спросилъ у него: „скажите правду, участвовали-ли въ вашемъ дѣлѣ журналисты?“ „Нѣтъ ваше величество! Они не имѣли о немъ ни малѣйшаго понятія“ — „Какже это? Вы были съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ?“ „Булгарину мы не могли ввѣриться. Онъ полякъ, и дѣло Россіи ему чуждо. Греча мы не хотѣли запутывать, онъ не одного съ нами мнѣнія; притомъ онъ отецъ семейства, да еще и болтунъ“. Когда допросъ кончился и Бестужева повели въ крѣпость, великій кн. Михаилъ Павловичъ нагналъ его на крыльцѣ и просилъ убѣдительно: „Скажите правду, Бестужевъ, знали-ли Гречъ и Булгаринъ о вашемъ замыслѣ?“ „Ваше высочество!“ сказалъ Бестужевъ, „клянусь вамъ — они были чужды всему этому дѣлу, и понятія о немъ не имѣли“. Вслѣдствіе этого, всѣ навѣты и доносы на нихъ были отвергаемы государемъ и ихъ не тронули.

Таковъ былъ Бестужевъ, и во все продолженіе производства дѣла говорилъ прямо и щадилъ другихъ. Его не сослали на такъ называемую каторгу, а отправили на жительство въ русскій Соренто — Якутскъ, а оттуда перевели въ кавказкій корпусъ солдатомъ. Бестужевъ несъ службу безропотно и усердно, получилъ чинъ унтеръ-офицера, георгіевскій кресть, былъ произведенъ въ прапорщики и погибъ въ дѣлѣ съ горцами въ лѣсу. Тѣло не было найдено. Повышенію его по службѣ и смягченію его судьбы повредила одна исторія. Онъ имѣлъ любовницу унтеръ-офицерскую дочь. Она застрѣлилась у него въ палаткѣ. Обстоятельства этого самоубійства были неясны. Подозрѣвали и обвиняли въ умерщвленіи ея ревность Бестужева. Дѣло это извѣстно богу. Намъ остается только жалѣть о потерѣ человѣка, который, при другой обстановкѣ, сдѣлался-бы полезнымъ своему отечеству, знаменитымъ писателемъ, великимъ полководцемъ; можетъ быть *графъ* Бестужевъ отстоялъ-бы Севастополь . . .

I.

ПѢСНЯ.

(На голосъ: „Ужъ какъ палъ туманъ на синё море“.)

Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору —
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ.

Съ нимъ Черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію-мать!
И не бурей палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ-червь подточилъ его.
Закатилася воля-солнышко —
Смерти ночь легла въ поле бранное...
Какъ на полѣ томъ бранный конь стоитъ:
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
„Конь мой, конь! скачи въ святой Кіевъ-градъ;
„Тамъ товарищи, тамъ мой милый братъ.
„Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ
„И скажи: цѣпей я нести не могъ...
„Пережить нельзя мысли горестной,
„Что не могъ купить кровью вольности!“

1827 г. А. А. Бестужевъ.

II.

ПРОКАЖЕННЫЙ.

ДУМА.

Народъ зоветъ его безумнымъ, прокаженнымъ;
Но умъ его покрытъ таинственною мглой:
Въ немъ старецъ опытный съ младенцемъ откровеннымъ
Граничатъ въ жизни межь собой.

Въ издранномъ рубищѣ, какъ труженикъ убогій,
Я зрѣлъ, какъ онъ спѣшилъ къ играющимъ птенцамъ,

Какъ мрачно онъ взиралъ на пышные чертоги
И радостно на Божій храмъ.

Онъ взоры отвращалъ, встрѣчаяся съ преступнымъ,
Какъ будто-бъ мысль его мгновенно онъ проникъ;
И человѣчеству казался недоступнымъ
Его двусмысленный языкъ.

На страждущую чернь, чего-то содрогаясь,
Съ тупымъ вниманіемъ какъ часто онъ глядѣлъ!
На хартію судебъ какъ-будто опираясь,
Онъ что-то высказать хотѣлъ.

Съ молитвою въ устахъ, въ движеньяхъ изступленныхъ,
Для нищей братіи онъ милостынь молилъ,
И страждущихъ сиротъ и вдовъ изнеможенныхъ
Рукой изсохшею крестилъ.

И твердый, какъ скала противъ ударовъ грома,
Безропотно носилъ страдальческій вѣнецъ;
Скитаясь по свѣту безъ кровныхъ и безъ дома,
Казалось, былъ живой мертвецъ.

Я самъ внималъ ему, когда онъ безъ боязни
Злодѣю сильному паденье предрекалъ;

Я зрѣлъ его, какъ онъ на страшномъ мѣстѣ казни
За осужденнаго страдалъ.

Какъ жадно онъ внималъ напѣвамъ погребальнымъ
И смерть благословлялъ, какъ грань земной борьбы
Объятья простиралъ къ развалинамъ печальнымъ,
Онъ самъ — развалина судьбы.

Таинственный глаголъ, чувствъ праведныхъ избытокъ,
Какъ цѣпи узника томили старика,
И тщетно передъ нимъ развертывала свитокъ
Временъ маститая рука.

Миръ праху твоему! Всевышняю избранникъ,
Предвѣдѣній твоихъ ни кто не оцѣнитъ,
Лишь я, младой пѣвецъ, родной земли изгнанникъ,
Твой подвигъ думаю почтить.

А. А. Бестужевъ.

III.

УТРЕННЯЯ ПѢСНЬ.

(Изъ Кампе.)

Твой первый долгъ — благодаренье
Къ Творцу! — Душа вспорхнула вновь . . .

Господь твое услышитъ пѣнье:
Воспой ему хвалу, любовь!
Въ своей охранѣ, слабосильный,
Я легъ — и тихо, мирно спалъ;
Кто-жь благодатью столь обильной
Меня хранилъ, мнѣ сонъ послалъ?
Се Ты, Господь, владыка свѣта!
Тобой мы движемся, есмы...
Се Ты, по благости совѣта,
Меня возставилъ вновь изъ тьмы!
Хвала святому Провидѣнью!
Хвала Тебѣ, Господь, Богъ силъ,
Что мнѣ еще день къ наслажденью
По тихой нощи присудилъ!
Пошли Твое благословенье,
Подаждь мнѣ путь Твой совершить,
И Самъ мнѣ даруй наставленье
Тебѣ угодное творить!
Ты будь и впредь мой Богъ-хранитель,
Надежда вся моя, Творецъ!
Будь мнѣ въ напасти покровитель
И къ слабостямъ моимъ отецъ!
Подай мнѣ сердце непорочно,
Исполненно любви къ другимъ,
Чтобъ ревностно, всегда и точно
Къ дѣламъ стремилося благимъ!
Чтобъ я, какъ сынъ благословенный,
Къ добру питалъ и правдѣ страсть,
А не страстями ослѣпленный,
Порокамъ отдался во власть.

Чтобъ трудности не опасался
Я въ нуждѣ ближнимъ помогать,
Ихъ мирнымъ счастьемъ восхищался,
Умѣлъ сердецъ ихъ цѣну знать.
Чтобъ благо жизни скоротечной
Я съ благодарностью вкусилъ,
И съ духомъ радостнымъ въ путь вѣчный
По манью Твоему вступилъ!

Швартгольмъ.
29 января 1827 года. А. А. Бестужевъ.

IV.

НАДПИСЬ НА МОГИЛѢ МИХАЛЕВЫХЪ ВЪ ЯКУТСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Неумолимая, холодная могила!
Здѣсь сѣдины отца и сына цвѣтъ сокрыла.
Одинъ подъ вечеръ дней, другой въ полудни лѣтъ
Къ предѣламъ вѣчности нашли незримый слѣдъ.
Счастливцы! Здѣсь и тамъ не знали вы разлуки,
Не знали пережить родныхъ тяжелой муки.
Любовью родственной горѣвшія сердца,
Покой вкусили вдругъ для общаго вѣнца.
Мы плачемъ; но вдали утѣшный голосъ вѣетъ,
Подъ горестной слезой зерно спасенья зрѣетъ,
И всѣ мы свидимся въ объятіяхъ Творца.

1828 г. А. А. Бестужевъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ,

капитанъ-лейтенантъ, старшій братъ Александра, человѣкъ рѣдкихъ качествъ ума, разсудка и сердца, искренній мнѣ другъ, уступалъ Александру въ талантахъ и въ пылкости характера, но замѣнялъ эти качества другими, не столь блестящими, но тѣмъ не менѣе достойными обратить на него вниманіе и уваженіе людей. Онъ былъ воспитанъ въ морскомъ корпусѣ, и уже гардемариномъ былъ въ дѣйствительномъ сраженіи; при взятіи англичанами 14 Августа 1808 года, корабля „Всеволодъ“. Бестужевъ былъ на одномъ изъ катеровъ, которыя завозили канатъ. Я познакомился съ нимъ въ 1817 году, отправляясь во Францію на кораблѣ „Не тронь меня“, на которомъ онъ былъ лейтенантомъ. Мы съ нимъ подружились и оставались въ неразрывныхъ сношеніяхъ до несчастной эпохи 14-го Декабря. Бестужевъ занимался и литературою, писалъ умно и пріятно. Въ „Сынѣ Отечества“ напечатано любопытное его описаніе гибели брига „Фалькъ“, взятое Головинымъ въ собраніе статей важнѣйшихъ кораблекрушеній. Въ послѣднее время находился онъ при начальникѣ маяковъ въ Балтійскомъ морѣ, вицъ-адмиралѣ Стафирьевѣ, и лично

содѣйствовалъ улучшенію этой части морскаго управленія; но скучалъ и искалъ развлеченія. Главною его слабостью была страсть къ женскому полу, особенно къ порядочнымъ замужнимъ женщинамъ. И въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ было у него нѣсколько нѣжныхъ связей; особенно занимала его одна *любовь* кронштадтская. И женщины привязывались къ нему легко и страстно. Онъ былъ человѣкъ умный, разсудительный; направленію его ума содѣйствовало много слѣдующее обстоятельство. Въ 1821 году *ходилъ* онъ, какъ говорятъ моряки, на эскадрѣ въ Средиземное море и нѣсколько дней пробылъ въ Гибральтарѣ. Тамъ видѣлъ онъ съ высоты утеса, какъ испанцы королевской стороны разстрѣливали на перешейкѣ взятыхъ ими безоружныхъ либераловъ, сообщниковъ Рiего, разстрѣливали, какъ воровъ и разбойниковъ сзади. Это зрѣлище заронило въ душу его ненависть къ деспотизму. Онъ обѣдалъ у меня на имянинахъ 6 Декабря съ братьями своими, Александромъ и Павломъ. Николай пришелъ позже и я сказалъ ему: „пришелъ — спасибо. А я думалъ, что ты измѣнишь!“ „Никогда не измѣню!“ отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ, взглянувъ на Александра. 14 числа онъ вывелъ на площадь гвардейскій экипажъ. Въ немъ было

нѣсколько матросовъ, служившихъ подъ командою Бестужева на походѣ въ Средиземное море. „Ребята! знаете-ли вы меня? пойдемъ-же!“ И они пошли. Я видѣлъ, какъ экипажъ, мимо конногвардейскихъ казармъ, шелъ бѣгомъ на площадь. Впереди бѣжали въ разтегнутыхъ сюртукахъ офицеры, и что-то кричали, размахивая саблями. Я не узналъ въ числѣ ихъ Бестужева да и до такой степени былъ увѣренъ въ неучастіи его, что, услышавъ о дѣйствіяхъ Александра, сказалъ съ сердечнымъ унынiемъ: „бѣдный Николай Александровичъ! какъ онъ будетъ жалѣть брата!“ По прекращеніи волненія, Николай Бестужевъ уѣхалъ на извощичьихъ саняхъ въ Кронштадтъ; переночевалъ у одной знакомой старушки; на другой день сбрилъ себѣ бакенбарды, подстригъ волосы, подрисовалъ лицо, одѣлся матросомъ и пошелъ на Толбухинъ маякъ, лежащій на западной оконечности Котлика-острова. Тамъ предъявилъ онъ командовавшему унтеръ-офицеру предписаніе вицъ-адмирала Стафирьева о принятіи такого-то матроса въ команду на маякъ. „Ну, а что ты умѣешь дѣлать?“ спросилъ грозный командиръ. „А что прикажете“, отвѣчалъ Бестужевъ, прикинувшись совершеннымъ олухомъ. „Вотъ картофель, очисти его“. „Слушаю“, отвѣчалъ тотъ, взялъ ножъ и принялся за работу.

Полиція, не найдя Бестужева въ Петербургѣ, догадалась, что онъ въ Кронштадтѣ, и туда послано было предписаніе, искать его. Это было поручено одному полицейскому офицеру, который, лично зная Бестужева, заключилъ, что онъ конечно отправился на маякъ, чтобъ оттуда пробраться за границу. Прискакавъ туда, онъ просто вошелъ въ казарму и сдѣлалъ перекличку всѣмъ людямъ. „Вотъ этотъ явился сегодня“, сказалъ унтеръ-офицеръ, указывая на Бестужева. Полицейскій посмотрѣлъ на него и увидѣлъ самое дурацкое лицо въ мірѣ. Всѣ сомнѣнія изчезли, Бестужева здѣсь не было: слѣдовало искать его въ другомъ мѣстѣ. Когда полицейскій вышелъ изъ казармъ, провожавшій его деньщикъ (бывшій прежде того деньщикомъ у Бестужева), сказалъ ему: „вѣдь новый-то матросъ — господинъ Бестужевъ, я узналъ его по слѣдамъ золотаго кольца, которое онъ всегда носилъ на мизинцѣ“. Полицейскій воротился, подошелъ къ мнимому матросу, который опять принялся за работу, ударилъ его по плечу, и сказалъ: „Перестаньте притворяться, Николай Александровичъ! Я васъ узналъ“.

— „Узнали?“ сказалъ Бестужевъ, „такъ поѣдемъ“. Военный губернаторъ отправилъ его въ Петербургъ подъ арестомъ въ саняхъ на тройкѣ. Когда пріостановились передъ

гаубтвахтой при выѣздѣ, онъ сказалъ случившимся тамъ офицерамъ: „прощайте братцы! Ѣду въ Петербургъ, тамъ ждутъ меня двѣнадцать пуль“. Дорогою по заливу, поравнявшись съ полыньею, онъ хотѣлъ было выскочить изъ саней, чтобы броситься въ воду, но былъ удержанъ. Въ Петербургѣ привезли его къ морскому министру фонъ-Моллеру, который, какъ всѣ дураки, ненавидѣлъ въ Бестужевѣ умнаго человѣка. Онъ велѣлъ скрутить ему на спинѣ руки и отправилъ въ такомъ видѣ днемъ по Англійской набережной и Адмиралтейскому бульвару въ Зимній Дворецъ. Одинъ изъ адъютантовъ накинулъ на него шинель. Въ дворцѣ развязали ему руки и привели къ императору. „Вы блѣдны, вы дрожите“, сказалъ ему Николай. „Ваше величество“, отвѣчалъ Бестужевъ, „я двое сутокъ не спалъ и ничего не ѣлъ“. — „Дать ему обѣдать“, сказалъ государь. Бестужева привели въ маленькую комнату Эрмитажа (въ которомъ помѣщался тогда государь по случаю передѣлки комнатъ Зимняго Дворца), посадили на диванѣ за столъ и подали придворный обѣдъ. „Я не пью краснаго вина“, сказалъ онъ офиціанту: подайте бѣлаго“. Онъ преспокойно пообѣдалъ, потомъ приклонился къ подушкѣ дивана и крѣпко заснулъ. Пробудясь часа черезъ два, всталъ

и сказалъ: „теперь я готовъ отвѣчать“. Его привели въ прежнюю залу. Тамъ поклонился онъ В. А. Перовскому, какъ короткому знакомому, и увидавъ новаго флигель-адъютанта А. П. Лазарева, сказалъ ему: „вотъ Алешка, и ты флигель-адъютантъ! теперь перестанешь шалить“. Его ввели въ кабинетъ государя. Онъ не только отвѣчалъ смѣло и рѣшительно на всѣ вопросы, но и самъ начиналъ говорить; изобразилъ государю положеніе Россіи, исчислилъ неисполненныя обѣщанія, несбывшіяся надежды и объяснилъ поводы и ходъ замысловъ. Государь выслушалъ его внимательно и нѣтъ сомнѣнія, что не одна истина, дотолѣ неизвѣстная, упала на его душу.

Обрядъ лишенія чиновъ и дворянства былъ исполненъ надъ флотскими офицерами въ Кронштадтѣ, на военномъ кораблѣ. Ихъ отвезли туда изъ Петропавловской крѣпости ночью на 19ое Іюня на арестантскомъ катерѣ. Бестужевъ спокойно бесѣдовалъ дорогою съ командующимъ и караульными офицерами: не жаловался, не сѣтовалъ на судьбу. „Я ожидалъ смерти“, говорилъ онъ: „теперь все время, что проживу, будетъ для меня чистымъ барышомъ. Но вотъ кого мнѣ жаль — этихъ бѣдныхъ юношей (указывая на приговоренныхъ мичмановъ, спавшихъ крѣпкимъ сномъ молодости): они дѣти, и

не знали всей опасности своего предпріятія . . .“ Въ Кронштадтѣ онъ взошелъ по трапу на корабль, бодро и свободно, учтиво поклонился собравшейся коммиссіи адмираловъ, и спокойно выслушалъ чтеніе приговора: „сорвать съ него мундиръ!“ — закричалъ одинъ изъ адмираловъ . . . Два матроса подбѣжали, чтобы исполнить приказаніе благонамѣреннаго начальника. Бестужевъ взглянулъ на нихъ такъ, что они остолбенѣли, снялъ съ себя мундиръ, сложилъ его чиннехонько, положилъ на скамью и сталъ на колѣни, по уставу, для переломленія надъ нимъ шпаги. Когда его привезли обратно въ Петропавловскую крѣпость, для отправленія въ ссылку, я пошелъ къ военному генералъ-губернатору, добрѣйшему Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову, и просилъ его дать мнѣ свиданіе съ Николаемъ Бестужевымъ. „Родственникъ-ли вы ему?“ спросилъ Кутузовъ. — Нѣтъ, ваше в. п. — „Такъ нельзя!“ — Но позвольте мнѣ проститься съ нимъ хоть письменно: онъ другъ мнѣ. — „Извольте.“ Я сѣлъ за столъ и написалъ нѣсколько строкъ, продиктованныхъ мнѣ сердцемъ.

Кутузовъ самъ отдалъ ихъ Бестужеву и разсказалъ мнѣ, съ какимъ восторгомъ несчастный принялъ этотъ привѣтъ дружбы.

И *любовь* его не оставляла. Одна дама прислала ему изъ Кронштадта свой портретъ и колоду картъ для препровожденія времени гранъ-пасьянсомъ. Бестужевъ мастеръ на всѣ руки, сберегъ рыбныя кости отъ своего обѣда, повытаскалъ нитей изъ наволочки и изъ этихъ припасовъ, безъ всякаго инструмента, смастерилъ красивенькій гребешокъ и отправилъ хорошенькой адмиральшѣ. Не знаю дошелъ-ли онъ по адресу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, на танцовальномъ вечерѣ у П. И. Рикорда, гдѣ было нѣсколько дамъ изъ Кронштадта, двѣ молоденькія, хорошенькія дѣвицы, дочери однаго адмирала, посматривали на меня съ большимъ вниманіемъ, и какъ-бы хотѣли говорить со мною, а я этого и не замѣтилъ. Имъ интересенъ былъ во мнѣ другъ друга ихъ матери.

Бестужевъ скоро нашелся въ ссылкѣ: занимался чтеніемъ, живописью. Въ первые годы нарисовалъ онъ нѣсколько акварельныхъ портретовъ, въ томъ числѣ и свой, очень похожій, только на лбу шла глубокая морщина, проведенная страданіями. Потомъ занялся онъ механическими работами: придумалъ какую-то повозку, удобную для того края, и вообще старался быть сколь возможно полезнымъ въ своемъ кругу. Онъ скончался въ 1855 году, не дождавшись своего осво-

божденія . . . Младшіе его братья — ***Михаилъ*** и ***Петръ Бестужевы*** были люди простые, добрые, честные, но ни чѣмъ не замѣчательные. Первый изъ нихъ былъ лейтенантомъ во флотѣ, откуда перешелъ впослѣдствіи въ Московскій полкъ (полагаютъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать во время возстанія) . . . Младшій былъ также лейтенантомъ. Наказаніе сильно подѣйствовало на его душу: онъ помѣшался въ умѣ, и былъ отданъ матери съ тѣмъ, чтобы жить у ней въ новгородской деревнѣ, гдѣ онъ и умеръ. Патый братъ — ***Павелъ,*** мальчикъ живой и умный, воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ и во время движенія былъ въ верхнемъ офицерскомъ классѣ. Онъ, по молодости, не участвовалъ въ заговорѣ, но пострадалъ за родство съ осужденными. Въ Августѣ 1826 г., во время иллюминаціи по случаю коронаціи, Павелъ Бестужевъ проталкивался въ толпѣ народа на Невскомъ проспектѣ у казанскаго моста и за что-то повздорилъ съ однимъ изъ прохожихъ, но безъ всякихъ послѣдствій. Воейковъ, смотрѣвшій иллюминацію изъ окна книжнаго магазина Слѣнина, бывшаго тогда въ домѣ Энгельгарта, гдѣ теперь магазинъ русскихъ издѣлій, донесъ полиціи, что Бестужевъ бродилъ на улицѣ и произносилъ дерзкія рѣчи: его отправили на Кавказъ, гдѣ онъ нѣсколько

лѣтъ боролся съ черкесами, а въ Сухумъ-Кале — съ убійственной лихорадкою. Онъ прилежно занимался артиллеріею, и придумалъ новые превосходные діоптры для прицѣла орудій; на отливку ихъ онъ пожертвовалъ своимъ мѣднымъ чайникомъ. Изобрѣтеніе его было найдено полезнымъ, и онъ переведенъ въ бригаду, стоявшую въ Москвѣ. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ офицеры и потомъ женился на милой и образованной дѣвицѣ. И такъ уцѣлѣлъ хотя одинъ Бестужевъ! Что сталось съ Михаломъ — не знаю . . .

Подпоручика Бестужева Рюмина я не зналъ. Слышалъ только, что былъ неистовый фанатикъ . . .

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПУЩИНЪ,

одинъ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея перваго блистательнаго выпуска, благородный, милый, добрый молодой человѣкъ, истинный филантропъ, покровитель бѣдныхъ, гонитель неправды. Въ добродѣтельныхъ порывахъ для благотворенія человѣчеству, вступилъ онъ на службу, безвозмездно, по выборамъ въ уголовную палату, гдѣ познакомился и сблизился съ Рылѣевымъ . . . Онъ выстрадалъ слишкомъ тридцать лѣтъ

въ Сибири; былъ освобожденъ съ прочими, женился и умеръ въ 1859 г., въ Петербургѣ. Я не имѣлъ случая видѣть его по возвращеніи. Память о его умѣ, сердцѣ и характерѣ, и глубокое сожалѣніе о его несчастіи останется на вѣки въ глубинѣ души моей . . .

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Достойна замѣчанія судьба этого семейства. Отецъ ихъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, бывшій кураторъ московскаго университета, другъ и товарищъ Новикова, поплатился и пострадалъ за эту дружбу при гоненіи воздвигнутомъ на мартинистовъ въ концѣ царствованія Екатерины II . . . У Ивана Петровича были четыре сына: Андрей, Александръ, Николай и Сергѣй. Всѣ они получили основательное и блистательное воспитаніе, сначала въ московскомъ, потомъ въ гётингенскомъ университетахъ, и обѣщали принести своему отечеству большую пользу своими дарованіями, умомъ, познаніями и характеромъ. Надежды эти не сбылись. Андрей, товарищъ Жуковскаго, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ: память его осталась въ прекрасной элегіи, написанной его другомъ. Прочіе трое были въ госу-

дарственной службѣ, и шли впередъ очень быстро и счастливо ... Александръ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь въ государственномъ совѣтѣ и членъ коммиссіи составленія законовъ, былъ человѣкъ умный, пріятный и очень добродушный, особенно если дѣло или лицо не касалось мнѣній и интересовъ партіи. А къ какой партіи онъ принадлежалъ? По службѣ — къ голицынской, анти-аракчеевской, а по литературѣ — къ карамзинской. Свѣтъ литературный дѣлился тогда на двѣ рѣзко обозначенныя партіи, Шишкова и Карамзина. Къ первой принадлежали всѣ Кутузовы, Кикинъ, И. С. Захаровъ, графъ Хвостовъ, князь Шаховской, и вообще большая часть членовъ бесѣды любителей русскаго слова. Къ послѣдней — Дмитріевъ, Блудовъ, Дашковъ, Тургеневъ, Жуковскій, Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ, Вяземскій и т. д. Державинъ, Крыловъ и Гнѣдичъ держались средины, болѣе склоняясь къ послѣдней. Карамзино-манія достигла у его чтителей высшей степени: кто только осмѣливался сомнѣваться въ непогрѣшимости ихъ идола, того предавали проклятію и преслѣдовали не только литературно. Гораздо легче было ладить съ самимъ Карамзинымъ человѣкомъ кроткимъ и благодушнымъ, нежели съ его изступленными сеидами. Духъ партіи ихъ

былъ такъ силенъ, что они не только предавали остракизму достойнѣйшихъ людей, дерзавшихъ не обожать Карамзина, но и приближали къ себѣ . . . поддѣлывавшихся подъ ихъ тонъ, какъ на примѣръ, Жихарева, Боголюбова, Вигеля, Воейкова . . . . . .

. . . . . .

Вторымъ идоломъ этого кружка былъ Жуковскій. Его любила, чествли, боготворили. Малѣйшее сомнѣніе въ совершенствѣ его стиховъ считалось преступленіемъ. Выгоды Жуковскаго были выше всего. П. А. Никольскій, издавая „Пантеонъ русской поэзіи“, не думалъ, что можетъ повредить Жуковскому, помѣщая въ „Пантеонѣ“ его стихотворенія. Александръ Тургеневъ видѣлъ въ этомъ денежный ущербъ для Жуковскаго, котораго сочиненія тогда еще не были напечатаны полнымъ собраніемъ, и однажды. заговоривъ о нихъ съ Гнѣдичемъ на обѣдѣ у графини Строгоновой, назвалъ Никольскаго воромъ. Гнѣдичъ вступился за Никольскаго. Вышла побранка, едвя не кончившаяся дуэлью. Никольскій, узнавъ о томъ, пересталъ печатать въ „Пантеонѣ“ сочиненія Жуковскаго . . . Эти изступленные фанатики требовали не только признанія таланта въ Карамзинѣ, уваженія къ нему, но и слѣпаго, языческаго обожанія. Кто только осмѣливался судить о Карам-

зинѣ, видѣть въ его твореніяхъ малѣйшее пятнышко, тотъ въ ихъ глазахъ становился злодѣемъ, извергомъ, какимъ-то безбожникомъ. В. Л. Пушкинъ сказалъ о приверженцахъ Шишкова:

И аще смѣетъ Карамзина кто хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить.

Тоже можно было сказать о противной партіи, переложивъ только первый стихъ:

И аще смѣетъ кто Карамзина судить...

Приверженцы Карамзина составили особое закрытое литературное общество, подъ названіемъ арзамаскаго, въ которое принимали людей, поклявшихся въ обожаніи Карамзина и въ ненависти къ Шишкову. Каждый при вступленіи долженъ былъ прочитать похвальное слово, сатиру, или, что-нибудь подобное въ восхваленіе идола и въ униженіе противника... Воротимся къ Александру Тургеневу. Онъ былъ любимцемъ князя Голицына и служилъ очень счастливо. Этотъ добрый, но мечтательный человѣкъ, былъ въ званіи директора департамента духовныхъ дѣлъ, однимъ изъ секретарей библейскаго общества... Жилъ онъ въ верхнемъ этажѣ казеннаго дома, занимаемаго А. И. Голицыномъ (на Фонтанкѣ, на супротивъ Михайловскаго замка, гдѣ

позже жилъ и графъ Адлербергъ). Братья Тургеневы были связаны между собою самою нѣжною любовью и жили вмѣстѣ: всѣ они были холостые. Сергѣй Иковичъ учился, какъ и прочіе, въ Московскомъ а потомъ въ Гётингенскомъ университетахъ, и былъ сначала секретаремъ при графѣ М. С. Воронцовѣ, командовавшемъ корпусомъ, стоявшемъ во Франціи, а потомъ состоялъ при коммиссіи составленія законовъ. Послѣ паденія Сперанскаго (въ 1812 году) дѣла въ ней шли вяло и безотчетливо. Чиновники, не уважавшіе пустаго и подлаго своего начальника барона Розенкампфа, раздѣлили дѣла между собою полюбовно, описывая каждый про себя, что ему вздумается. Сергѣй Тургеневъ писалъ проэктъ уголовнаго устава . . .

Самымъ умнымъ и солиднымъ, а къ тому наиболѣе знающимъ, былъ младшій Николай, хромой на лѣвую ногу. И онъ учился въ Гётингенѣ, и онъ шелъ по службѣ быстро и счастливо; но онъ заслуживалъ это добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, примѣрною дѣятельностью и благороднымъ безкорыстіемъ. Онъ былъ правителемъ дѣлъ у знаменитаго барона Штейна и пользовался его искреннею дружбою и довѣренностью, впослѣдствіи помощникомъ статсъ-секретаря въ государствен-

номъ совѣтѣ. Онъ имѣлъ глубокія познанія въ финансовой наукѣ, чему доказательствомъ служитъ его „Опытъ теоріи налоговъ“ . . . Живя и служа долго въ чужихъ краяхъ, онъ увлекся очень легко понятіями о законности, свободѣ и равенствѣ людей и точно помѣшался на мысли, впрочемъ вполнѣ справедливой, о необходимости уничтоженія рабства въ Россіи и о введеніи въ ней благоустроеннаго правленія. Въ совѣтѣ онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ и приверженцемъ мнѣній благороднаго, но пылкаго мечтателя, графа Николая Семеновича Мордвинова, однаго изъ достойнѣйшихъ людей, родившагося на небогатой ими русской почвѣ. Не удивительно, что его пригласили къ вступленію въ *союзъ благоденствія,* что онъ участвовалъ въ его собраніяхъ, трудахъ и планахъ; но этотъ союзъ прекратился въ 1821 году, и съ тѣхъ поръ не возобновлялся. Тургеневъ участвовалъ въ послѣдовавшихъ событіяхъ и дѣлахъ только выраженіемъ своихъ мнѣній и желаній, но ни словомъ, ни дѣломъ: обвиненіе его произошло отъ легкомыслія, безтолковости и тупости Блудова, который, можетъ быть, увлекся и желаніемъ явить свое безпристрастіе безпощадностью къ брату бывшаго его друга и сопоклонника въ храмѣ святаго Карамзина. Николай Тургеневъ былъ въ

отсутствіи изъ Россіи съ весны 1824 года, слѣдовательно не могъ участвовать въ дѣлахъ, происходившихъ въ 1825 году и вообще не могъ быть уличенъ ни въ какомъ преступленіи. Братъ его Александръ употреблялъ всѣ средства къ его спасенію, но напрасно. Дѣло кончилось осужденіемъ Николая Тургенева къ смертной казни за преступленіе, котораго онъ *не могъ* сдѣлать. Его обвиняли въ словахъ, произнесенныхъ будто-бы имъ въ 1825 году, когда онъ былъ въ чужихъ краяхъ. Винили Тургенева за то, что онъ не явился къ суду, когда его приглашали. Я никакъ не виню его въ томъ. Если бы судъ былъ справедливый, благоразумный, правильный, безпристрастный, гласный, онъ непремѣнно-бы ему подвергся. А кто явится добровольно на шемякинъ судъ? Въ 1853 году встрѣтился я съ Тургеневымъ въ Парижѣ, въ rue de la Paix, подошелъ къ нему, поздоровался съ нимъ. Онъ изумился. „Я думалъ“, сказалъ онъ, „что вы не захотите узнать меня“. — „А почему-же нѣтъ? я вижу въ васъ стараго знакомца, котораго всегда уважалъ и безчестно было-бы, еслибъ я отъ васъ отрекся“. — „А вотъ Жуковскій“, сказалъ онъ, „не хотѣлъ видѣться со мною въ Женевѣ, безъ высочайшаго позволенія“. — „Жуковскій иное дѣло“, отвѣчалъ я, „онъ слу-

жилъ при дворѣ, при обученіи царскихъ дѣтей, слѣдовательно обязанъ былъ наблюдать отношенія, которыя меня не связываютъ". На другой день пригласилъ онъ меня къ себѣ. Я обѣдалъ у него два раза въ кругу милой семьи. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ 1859 году, онъ посѣтилъ меня и упрекалъ, что я ничего не пишу объ освобожденіи крестьянъ. Я сказалъ ему, что считаю это дѣло важнымъ и необходимымъ, желаю и надѣюсь ему успѣха, но писать не стану потому, что не имѣю объ этомъ предметѣ достаточныхъ понятій.

Жаль, что Россія не пользовалась умомъ, дарованіями и познаніями этого необыкновеннаго человѣка. Онъ сдѣлался-бы превосходнымъ министромъ финансовъ или юстиціи. А тамъ Вронченко, Брокъ, Паниинъ! Братъ его Сергѣй находился въ 1825 году въ Дрезденѣ, любезномъ ему потому, что онъ былъ секретаремъ саксонскаго генералъ-губернатора князя Репнина. Узнавъ объ участи, постигшей брата его Николая, онъ сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ. Должно отдать полную справедливость благородству брата его Александра. Послѣ несчастія, которому подвергся Николай, онъ вышелъ въ отставку, не смотря ни на какія убѣжденія и обѣщанія. Не такъ поступали другіе родственники погибшихъ въ этомъ

водоворотѣ. На примѣръ, графиня Лавалъ, теща князя Трубецкаго, давала пиры и балы, между тѣмъ, какъ дочь ея изнывала съ благороднымъ самоотверженіемъ въ Сибири. Эта женщина и жалкій мужъ ея были въ общемъ презрѣніи у двора и въ публикѣ, доколѣ племянникъ ея, князь Бѣлосельскій, не женился на падчерицѣ графа Бенкендорфа, тогда и они пошли въ гору. Замѣчательно, какимъ образомъ Тургеневы пострадали отъ закадышныхъ друзей своихъ . . . . . .

. . . . . .

. . . Можетъ-ли быть благоустройство въ государствѣ, гдѣ не способности, не умъ, не заслуги, не честность даютъ мѣста, а располагаютъ ими случай, подлость и деньги, гдѣ явный мошенникъ и воръ терпимы въ обществѣ, и получаютъ награды, а достоинство и заслуга въ тѣни и презрѣніи, потому, что гнушаются дышать тлетворнымъ воздухомъ въ переднихъ знатныхъ баръ, и въ будуарахъ развратныхъ женщинъ. Все государство сгнило въ своихъ основаніяхъ, и если богъ не сотворитъ чуда, не пошлетъ ему истинно великаго государя, каковы были Петръ I и Екатерина II, разрушится на маленькія части, оставивъ потомству урокъ вѣрный, но безплодный, какъ и всѣ уроки исторіи!

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ РЕПИНЪ.

штабсъ-капитанъ л. г. финляндскаго полка, былъ человѣкъ умный, образованный, кроткій нравомъ, и пользовался уваженіемъ своихъ товарищей. Больше о немъ не знаю. Видѣлъ его только однажды у моего брата въ лагерѣ подъ Краснымъ-Селомъ.

АЛЕКСАНДРЪ ОСИПОВИЧЪ КОРНИЛОВИЧЪ.

штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, былъ добрый, образованный и любезный человѣкъ. Онъ занимался съ успѣхомъ литературою и особенно русскою военною исторіею, перевелъ вмѣстѣ съ Хатовымъ на русскій языкъ „Военную исторію россіянъ въ XVII столѣтіи" Бутурлина, издалъ въ 1825 году очень хорошій альманахъ, подъ заглавіемъ: „Русская Старина" и проч. У него была страсть знакомиться и бывать въ знатныхъ домахъ, въ кругу блистательной аристократіи, у графини Лаваль, у Лебцельтерна (австрійскаго посланника) и проч. Въ концѣ 1825 года, отправился онъ въ полуденную Россію, кажется для свиданія съ матерью и привезъ во 2-ю армію поклоны отъ разныхъ лицъ въ Петербургѣ и письма Муравьевымъ,

Пестелю и другимъ. Тамъ приняли его какъ участника въ либеральныхъ замыслахъ и дали ему порученіе въ Петербургъ. Онъ воротился въ столицу утромъ 12 Декабря и явился прежде всего къ Булгарину, который принялъ *отца Корнилу,* какъ звали его въ пріятельскомъ кругу, съ радушіемъ и предложилъ остаться обѣдать и жить у него въ домѣ. Корниловичъ отказался необходимостью развести разныя порученія Муравьева и другихъ по знатнымъ, домамъ, обѣщалъ пріѣхать вечеромъ, но не сдержалъ слова и остановился у пріятеля своего генеральнаго штаба полковника Галямина. На третій день (14 Декабря) отправляясь утромъ со двора, онъ отдалъ Галямину письмо на имя своей матери, и просилъ переслать къ ней. Поднялась исторія. Галяминъ догадываясь, что Корниловичъ на площади, бросилъ письмо въ каминъ. За это онъ былъ переведенъ въ гарнизонъ, а Корниловичъ подпалъ общей участи. Онъ былъ приговоренъ къ пятнадцатилѣтней каторжной работѣ, но года черезъ три переведенъ солдатомъ въ кавказкій корпусъ; тамъ успѣлъ онъ службою на дѣлѣ доказать свои познанія и хорошія качества, былъ отличенъ начальниками и представленъ къ производству въ офицеры, но умеръ, не доджавшись того, въ Царскихъ Колодцахъ.

Корниловичъ былъ искреннимъ другомъ Петра Муханова, они жили вмѣстѣ и вмѣстѣ погибли.

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОРСОНЪ,

капитанъ-лейтенантъ, серьозный, умный и достойный человѣкъ, искусный и ученый морякъ. Онъ сдѣлалъ много полезныхъ перемѣнъ и приспособленій въ устройствѣ такелажа военныхъ кораблей, заслужившихъ одобреніе морскаго начальства. Въ 1821 году онъ былъ лейтенантомъ корабля, на которомъ великій князь Николай Павловичъ съ супругою отправлялся въ Пруссію и успѣлъ обратить на себя особенное его вниманіе. Онъ увлекся примѣромъ Николая Бестужева и былъ сосланъ въ Сибирь. У Торсона была престарѣлая мать и предостойная сестра, дѣвица. Государь назначилъ имъ въ пенсію жалованіе, которое получалъ Торсонъ. По смерти матери, сестра (Катерина Петровна, высокая, статная дѣвица, умная и миловидная) отправилась въ Сибирь къ брату.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ АННЕНКОВЪ,

кавалергардскій поручикъ, интересенъ по одному романическому эпизоду въ его

жизни. Онъ былъ въ связи съ одною молодою француженкою по имени Жюстиною, швеею изъ моднаго магазина. За мѣсяцъ до 14 Декабря, наканунѣ отъѣзда по какимъ-то дѣламъ въ Москву, сидѣлъ онъ у ней вечеромъ въ глубокомъ раздумьѣ. Она спросила у него о причинѣ такого уныния. „Грустно мнѣ!“ отвѣчалъ онъ, „у меня нѣтъ ни одного друга. Случись со мной какое-либо несчастіе, меня всѣ покинутъ, а теперь ухаживаютъ за мною только потому, что я богатъ“. — „Ошибаешься, другъ мой!“ сказала Жюстина съ жаромъ, „у тебя есть вѣрный другъ — это я!“ — „Да“, возразилъ онъ, „пока я въ счастіи, а случись со мной что-либо“ . . . „А что такое?“ — „Если напримѣръ меня лишатъ всего и сошлютъ въ Сибирь?“ — „Я тебя не оставлю, поѣду съ тобою, буду работать за тебя, докажу, что люблю тебя искренно и безкорыстно“. Эти слова тронули Анненкова; онъ далъ ей на другой день запись на 50 000 рублей, облеченную въ законную форму. Разразилась буря. Анненковъ привезенъ былъ изъ Москвы въ Петропавловскую крѣпость и осужденъ на вѣчную каторгу, смягченную на двадцать лѣтъ. Лишь только голодные французскіе авантюристы въ Петербургѣ провѣдали, что у мамзель Жюстины пятьдесятъ тысячъ рублей приданаго, они по

закону elle gagne à être connue, бросились къ ней съ жаркими изъявленіями пылкой страсти. Она отринула всѣ предложенія, отправилась въ Москву, встрѣтила государя на улицѣ, бросилась предъ нимъ на колѣни и молила о дозволеніи ѣхать въ Сибирь за Анненковымъ, чтобы тамъ выйти за него замужъ. Просьба ея была принята. Она поѣхала въ Сибирь, обвѣнчалась съ Анненковымъ и жила съ нимъ въ мирѣ и счастіи. Другой подвигъ самоотверженія женскаго, выше прежняго, усладилъ послѣдніе годы другаго, вполнѣ достойнаго человѣка.

ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ИВАШЕВЪ.

Ротмистръ гвардіи, адъютантъ графа Витгенштейна, сынъ богатаго симбирскаго помѣщика, пользовался во второй арміи репутаціею самаго благороднаго человѣка. Онъ былъ въ дружбѣ съ Пестелемъ, Муравьевыми и другими заговорщиками и былъ членомъ тайнаго общества. Во время слѣдствія велъ себя твердо и благородно, и постоянно отказывался отъ всякихъ обвиненій на своихъ бывшихъ товарищей. Жестокая судьба постигла его, онъ былъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ и безмолвно подвергся своей участи. До того времени

бывалъ онъ въ отпуску въ деревни у замужней сестры своей, Лизаветы Петровны Языковой, которая имѣла при дѣтяхъ француженку гувернантку, женщину пожилую съ дочерью. Молодая дѣвушка почувствовала весьма понятное влеченіе къ блестящему, любезному и красивому молодому человѣку, но чувствуя, какое пространство ихъ раздѣляетъ, затаила рождающуюся страсть въ глубинѣ своего сердца. Вдругъ этотъ блестящій гвардейскій офицеръ, будущій генералъ, превратился въ бѣднаго каторжника, отверженнаго обществомъ. Не размышляя долго, она объявила и матери своей и госпожѣ Языковой, что намѣрена раздѣлить участь любимаго ею человѣка, ѣхать въ Сибирь, выйти за него замужъ и стараться нѣжною, благородною любовью, смягчать его страданія. Написали къ Ивашеву. Онъ принялъ предложеніе съ восторгомъ, потому, что и самъ питалъ къ этой дѣвицѣ глубокое уваженіе и сердечную склонность. По испрошеніи соизволенія государя, дѣвушка отправилась въ Сибирь и обвѣнчалась съ избраннымъ другомъ. Бракъ былъ самый счастливый, но, какъ всякое счастіе въ жизни, не долгій. Они имѣли троихъ дѣтей. Мать скончалась въ родахъ послѣднимъ. Ровно черезъ годъ и онъ послѣдовалъ за нею.

Н. И. ЛОРЕРЪ.

Николай Ивановичъ Лореръ въ 1825 году служилъ въ чинѣ майора, въ Вятскомъ пѣхотномъ полку, которымъ въ то время командовалъ глава южнаго тайнаго общества, полковникъ Павелъ Ивановичъ Пестель. Изъ „Донесенія Слѣдственной Коммиссіи“ видно только, что онъ былъ членомъ южнаго, тайнаго общества, за что былъ арестованъ, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, судимъ и приговоренъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, по лишеніи чиновъ и двовянства, къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу на 12 лѣтъ. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ государемъ 10 іюля 1826 года. Манифестомъ отъ 22 августа 1826 года срокъ каторги былъ сокращенъ съ 12-ти на 8 лѣтъ. 17-го марта 1827 года Николай Ивановичъ прибылъ на мѣсто ссылки и поступилъ въ нерчинскіе рудники, откуда былъ переведенъ, впослѣдствіи, на Петровскій заводъ, гдѣ и пробылъ до 8-го ноября 1832 года, то-есть до ссылки на поселеніе въ Курганъ. Затѣмъ въ 1837 году былъ опредѣленъ рядовымъ въ Кавказскій корпусъ, по прибытіи въ который, былъ записанъ, 28-го іюля того же года, въ Тенгинскій пѣхотный полкъ; въ августѣ 1838 года произведенъ въ унтеръ-офицеры,

а 10-го октября 1840 года — въ прапорщики. Прослуживъ еще около полутора года на Кавказѣ, Лореръ былъ, наконецъ, уволенъ въ отставку сначала въ Херсонскую губернію, а потомъ въ селеніе Водяное, для жительства у брата. Въ настоящее время Николай Ивановичъ Лореръ живетъ въ имѣніи брата, въ Харьковской губерніи.

Портретъ Лорера, изданный въ прошломъ году въ Петербургѣ, снятъ въ 1841 году, въ бытность его на Кавказѣ. Что же касается стихотворенія „Наполеонъ“, то мы не умѣемъ опредѣлить времени его сочиненія. Первоначально оно появилось въ печати въ „Русской Потаенной Литературѣ XIX столѣтія“, сборникѣ, изданномъ въ 1861 году въ Лондонѣ Н. И. Огаревымъ (ч. I, стр. 266), но съ значительными пропусками. Здѣсь стихотвореніе напечатано съ хорошаго списка.

Наполеонъ.

У моря, на скалѣ угрюмой,
Главу на грудь уныло преклоня,
Державный плѣнникъ, съ тяжкой думой,
Одинъ сидѣлъ. Свѣтило дня
На западѣ изъ черныхъ тучь сіяло
И пурпурной порфирой покрывало
Бездонную пучину синихъ водъ.

„Торжественъ твой и западъ и восходъ;
Ты не померкнешь въ тучѣ чорной;
Ты не погаснешь въ моря глубинѣ;
Твой ликъ нетлѣнный, животворный
Царитъ, какъ Богъ, въ небесной вышинѣ!
Не твой удѣлъ на жребій выпалъ мнѣ:
Какъ ты, моя звѣзда привѣтиво сіяла,
Въ пучинѣ звѣздъ соперницы не знала,
И грозная носилась надъ землей,
Пророча смерть и разрушенье —
Но все похитило единое мгновенье . . .
О, Ватерлоо! теперь судьбы моей
Едва примѣтенъ лучъ надъ современной бездной.
Безъ славы и безъ битвъ душой осиротѣвъ,
Подъ сворой дружныхъ псовъ я усмиренъ какъ лѣвъ —
И лицемѣрнымъ сномъ дремлю въ тюрьмѣ желѣзной.
Кричать: „онъ побѣжденъ!“ Такъ что жь? Я Аннибалъ!
Исторія, твои завѣтныя скрижали
Несчастіемъ его не упрекаки;
Ты врѣзала на нихъ: „онъ Римлянъ побѣждалъ!“
Моя соперница — Россія,
Но побѣдитель мой — судьба . . .
Я шолъ не по слѣдамъ Батыя,
И не безсмысленна была моя борьба:
Я движимъ былъ не погремушкой славы . . .

Я видѣлъ пеплъ Москвы, но я не Герострать . . .
Всѣ царства я-бъ сложилъ въ итогъ одной державы . . .
Я правъ передъ людьми, предъ Богомъ — виноватъ:
Я не постигъ его предназначенья,
Но, ослѣпленъ успѣхомъ чудныхъ дѣлъ,
Хотѣлъ переступить, въ пылу самозабвенья,
Божественнымъ перстомъ начертанный предѣлъ.
Хотѣлъ десницею желѣзной
Внезапно завладѣть вѣковъ грядущей бездной —
И тѣ вѣка до срока призвалъ я,
Чтобъ предразсудковъ цѣпь заржавленную скинуть,
И къ цѣли высшей бытія
Лѣнивую громаду передвинуть."

Н. И. Лореръ.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ФОНЪ-ДЕРЪ БРИГГЕНЪ.

Полковникъ Измайловскаго полка, былъ человѣкъ истино-благородный, добрый, умный, и прекрасно образованный. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что сообщилъ князю Трубецкому въ Кіевѣ, о дерзкихъ фанфарона-

дахъ Якубовича, который хвастался, что хочетъ убить Александра I-го. Но кто-же не зналъ объ этихъ донкихотскихъ выходкахъ Якубовича? Въ то время жалобы на правительство возглашались громко. Всѣ желали перемѣны, но не надѣясь на великаго князя Константина Павловича и не понимая характера Николая, предавались всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ. Если бы сослать всѣхъ тѣхъ, которые слышали о несбыточныхъ замыслахъ и планахъ того времени, не нашлось бы мѣста въ Сибири. Меня перваго слѣдовало бы отправить въ Нерчинскъ . . . Эти вольные разговоры, пѣніе, не революціонныхъ, а сатирическихъ пѣсенъ и т. п. было дѣло очень обыкновенное и никто не обращалъ на то вниманія. Однажды Булгаринъ (тогда еще холостой) давалъ намъ ужинъ. Собралось человѣкъ пятнадцать. Послѣ шампанскаго давай читать стихи, а тамъ и пѣть рылѣевскія пѣсни. Не всѣ были либералы, а всѣ слушали съ удовольствіемъ и искренно смѣялись. Помню анти-либерала Василія Николаевича Берха, какъ онъ заливался смѣхомъ. Только Булгаринъ выбѣгалъ иногда въ другую комнату. На слѣдующій день прихожу къ Булгарину и вижу его разстроеннымъ, больнымъ, въ большомъ смущеніи. Онъ струсилъ этой оргіи и вы-

бѣгалъ, чтобъ посмотрѣть не взобрался-ли на балконъ (это было въ первомъ этажѣ дома) квартальный, чтобы подслушать, что̀ читаютъ и поютъ. У него всегда чесалось за ухомъ при такихъ случаяхъ: онъ не столько либеральничалъ, какъ принималъ сторону поляковъ... Фонъ-деръ Бриггенъ дожилъ до прощенія и въ 1858 году, пріѣхалъ въ Петербургъ. Я увидалъ его у Ѳ. Н. Глинки и душевно ему обрадовался. Онъ, разумѣется, устарѣлъ, но сохранилъ прежнюю энергію и любезность. Бриггенъ умеръ скоропостижно отъ холеры 27-го Іюня 1859 года. Онъ жилъ у дочери своей Любовь Александровны Гербель. Послѣдніе дни жизни были услаждены свиданіемъ съ другомъ его, Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ.

МИХАИЛЪ КАРЛОВИЧЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

Братъ Вильгельма, твердый характеромъ, скромный, хорошій морской офицеръ, правдивый и не уступчивый. Какъ 14 Декабря, такъ и во все продолженіе слѣдствія, онъ велъ себя твердо и благородно. Когда ихъ вывели изъ казематовъ (13 Іюня 1826 года) на гласисъ Петропавловской крѣпости для

выслушанія приговора, восторженный Вильгельмъ, разслабленный тюремнымъ заключеніемъ, кинулся со слезами къ Михаилу на шею и сталъ говорить ему о покаяніи, покорности судьбѣ и т. п. Михаилъ отвѣчалъ твердо и спокойно: „Я зналъ, что̀ дѣлалъ, зналъ, что̀ произойдетъ изъ этого и безропотно подвергаюсь своей участи.“ Когда ссылаемымъ въ Сибирь предложено было, въ напутствіе, исполнить долгъ христіанскій покаяніемъ и причащеніемъ святыхъ тайнъ, Вильгельмъ, пріобщившись съ глубокимъ чувствомъ и горькими слезами, просилъ пастора смягчить ожесточенное сердце его брато. Михаилъ встрѣтилъ пастора учтиво, почтительно, но холодно, и сказалъ: „Не чувствую теперь необходимости пріобщаться. Ѣду въ Сибирь по рѣшенію правительства какъ бывало отправлялся въ походъ. Не зная за собой никакого грѣха, думаю что могу ѣхать и такъ. Онъ отправился въ Сибирь и безмолвно исполнялъ все, чего отъ него требовали. По мингованіи годовъ каторги, онъ перешелъ на поселеніе и тамъ познакомился съ одною молодою дѣвицею (кажется дочерью священника), женился на ней и былъ совершенно счастливъ. Что-жъ? Чрезъ нѣсколько лѣтъ узнали, что онъ когда-то крестилъ съ нею ребенка — и бракъ былъ

расторгнутъ на основаніи богопротивнаго закона о духовномъ родствѣ. Что было съ нимъ потомъ — не знаю. Думаю только: должно-же непремѣнно быть возмездіе на томъ свѣтѣ за бѣдствія претерпѣваемыя людьми въ нынѣшнемъ отъ варварскихъ законовъ, вымышленныхъ невѣжествомъ, злобою и фанатизмомъ.

ГАВРІИЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ БАТЕНКОВЪ.

Сынъ бѣднаго офицера, служившаго въ Сибири, воспитывался въ I кадетскомъ корпусѣ, учился съ большимъ прилежаніемъ и былъ выпущенъ въ артиллерію. Въ 1814 году, на походѣ во Францію, командовалъ онъ въ одномъ сраженіи двумя орудіями, былъ окруженъ многочисленнымъ французскимъ отрядомъ, защищался отчаянно, не хотѣлъ сдаваться, и палъ со всею командою. Въ донесеніи сказано было: „Потеряны двѣ пушки, со всею прислугою, отъ чрезмѣрной храбрости командовавшаго ими подпоручика Батенкова.“ Французы, убирая мертвыя тѣла, замѣтили въ одномъ изъ нихъ признаки жизни, привели израненнаго въ чувство и отправили въ лазаретъ. Это былъ Батенковъ. Его вылечили и вскорѣ

размѣняли. По возвращеніи въ Россію, не чувствуя охоты къ гарнизонной службѣ, ограничивающейся караулами и парадами, Батенковъ перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія: тамъ охотно приняли хорошаго математика. Онъ принялся за дѣло усердно и внимательно и вскорѣ пріобрѣлъ славу умнаго, знающаго, полезнаго, но *безпокойнаго* человѣка, титулъ даваемый всякому, кто не терпитъ дураковъ и мошенниковъ. Его не выгнали, а командировали въ Иркутскъ, гдѣ онъ не могъ мѣшать никому, потому что тамъ по части путей сообщенія ровно ничего не дѣлаютъ. Въ 1810 году происходила знаменитая ревизія Россіи. Сперанскій былъ посланъ туда для изслѣдованія злоупотребленій, притѣсненій и тиранствъ Пестеля, Трескина и другихъ коршуновъ, терзавшихъ много лѣтъ эту несчастную страну. Сперанскій очутился тамъ, какъ въ лѣсу, среди дикихъ звѣрей и подлыхъ скотовъ, не зналъ на кого положиться, кого избрать себѣ въ сотрудники. Въ числѣ представлявшихся ему лицъ замѣтилъ онъ инженеръ-маіора путей сообщенія, явившагося къ нему съ прочими чиновниками иркутской губерніи. Молодой человѣкъ говорилъ умно, свободно, безъ раболѣпства и показывалъ совершенное знаніе тамошняго края и лицъ. Сперанскій взялъ его въ свою

канцелярію, и вскорѣ убѣдился, что не ошибся. Батенковъ понялъ дѣло въ совершенствѣ и вскорѣ сдѣлался правою рукою Сперанскаго. Онъ владѣлъ перомъ въ высокой степени и написалъ много проэктовъ и въ томъ числѣ замѣчательный *„Уставъ о ссыльныхъ“*. По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ и по представленіи имъ донесеній и списковъ своихъ въ государственный совѣтъ, всѣ знающіе люди изумились скорой и тщательной ихъ обработкѣ. Графъ Аракчеевъ, искавшій людей способныхъ, спрашивалъ у Сперанскаго, кто помогалъ ему. Сперанскій назвалъ Батенкова и, по просьбѣ Аракчеева, предложилъ ему вступить въ службу по военнымъ поселеніямъ. Батенковъ принялъ предложеніе съ тѣмъ, чтобы ему не давали ни чиновъ, ни крестовъ, а только положили хорошее содержаніе. Его назначили членомъ совѣта военныхъ поселеній, съ десятью тысячами рублей (ассигнаціями) жалованья. Онъ работалъ усердно и неутомимо. Аракчеевъ былъ имъ доволенъ, называлъ его: *мой* математикъ, но мало по малу охладѣлъ къ нему, сталъ имъ пренебрегать, обременялъ работою, не давая никакого поощренія. Батенковъ жилъ въ Петербургѣ у Сперанскаго (въ домѣ Армянской церкви), занимался науками, на примѣръ — изъясненіемъ

египетскихъ іероглифовъ, и изслѣдованіемъ разныхъ отраслей государственнаго управленія. Однажды прочиталъ онъ мнѣ прекрасный проэктъ устройства гражданской и уголовной части, въ которомъ было много ума, начитанности, наблюдательности, и ни малѣйшей собственно политической идеи, которая заставила-бы подозрѣвать его въ либерализмѣ. Всѣ знали, что онъ приближенъ къ Аракчееву и пользуется его довѣренностію, и потому многіе боялись и остерегались его ... 21-го Ноября 1825 года обѣдалъ я съ нимъ у П. В. Прокофьева и до обѣда бесѣдовалъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что ему надоѣло служить у гадины Аракчеева, что онъ выходитъ въ отставку и хочетъ посвятить себя наукамъ, занявъ гдѣ нибудь мѣсто профессора математики. Все это было сказано просто, равнодушно, безъ злобы или огорченія. Съ тѣхъ поръ до Декабрьскихъ дней мы съ нимъ не видались. Я простудился на похоронахъ графа Милорадовича и слегъ въ постель. Ко мнѣ пришелъ не помню кто-то изъ канцеляріи генералъ-губернатора и сказалъ между прочемъ, что взяли Батенкова. Это меня изумило до крайности. „Такимъ образомъ,“ сказалъ я, „доберутся и до графа Аракчеева.“ Оказалось потомъ, что Батенковъ завербованъ былъ въ число заговорщиковъ

Рылѣевымъ, и увлекся несбыточною мечтою преобразованій въ государственномъ составѣ. Онъ не былъ на сходбищахъ и сужденіяхъ у Рылѣева и весь день 12-го Декабря, когда заговорщики разсуждали объ исполненіи своихъ замысловъ, просидѣлъ въ гостяхъ у Александры Ивановны Ростовцовой, матери Якова Ивановича. Его обвинили въ законопротивныхъ замыслахъ, въ знаніи умысла на цареубійство и въ приготовленіи товарищей къ мятежу планами и совѣтами. Судомъ былъ онъ приговоренъ къ вѣчной каторжной работѣ, но на дѣлѣ наказанъ гораздо строже, могу сказать съ соболѣзнованіемъ. Его продержали два года въ крѣпости Шварт-Гольмъ (близь Ловизы, въ Финляндіи), и потомъ осьмнадцать лѣтъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. До вступленія въ должность шефа жандармовъ графа Орлова, не давали ему ни бумаги, ни книгъ. Онъ видѣлъ только тюремщиковъ, приносившихъ кушанье, всегда, подвое, чтобы кто-нибудь съ нимъ не заговорилъ. Въ первые четыре года онъ несказанно мучился, а потомъ попривыкъ, и въ немногіе часы, которые проводилъ на воздухѣ въ маленькомъ садикѣ, разведенномъ по распоряженію человѣколюбиваго М. А. фонъ Фока среди Алексѣевскаго ра-

велина, копался въ землѣ, какъ-то добылъ ростокъ яблони, посадилъ его въ грунтѣ и дожилъ до того, что снялъ съ него яблоки. Въ 1844 году дали ему газеты. Онъ бросился на нихъ съ жадностью, и вдругъ прочелъ въ нихъ: *графъ* Клейнмихель! Изумленіе его возросло еще болѣе, когда онъ на слѣдующей страницѣ увидилъ *министръ финансовъ* Вронченко. И въ самомъ дѣлѣ, каково должны идти дѣла въ государствѣ, гдѣ Николай Тургеневъ въ изгнаніи, Батенковъ въ душной темницѣ, другіе опытные, умные и даровитые люди въ Сибири, а Клейнмихель и Вронченко — министры. Диво-ли, что у насъ дѣла идутъ наперекоръ уму и совѣсти! Кто помогъ Батенкову въ его ужасномъ положеніи? Комендантъ крѣпости Иванъ Никитичъ Скобелевъ, простой русскій человѣкъ, выслужившійся изъ солдатъ, даже не говорившій по французски. Онъ при всякомъ случаѣ напоминалъ государю о бѣдномъ Батенковѣ, и наконецъ добился, что его освободили изъ крѣпости и отослали на жительство въ Томскую губернію. Въ заключеніи своемъ онъ разучился даже говорить, хотя и привыкъ мыслить вслухъ. Онъ забылъ нѣкоторые обыкновенные слова, напримѣръ — *тараканъ*. Въ 1856 году былъ онъ прощенъ вмѣстѣ съ прочими и посе-

лился въ Калугѣ. Въ 1859 году пріѣзжалъ онъ въ Петербургъ, и я имѣлъ несказанное удовольствіе съ нимъ свидѣться. Онъ сохранилъ свой умъ прямой и твердый, но сдѣлался тише и молчаливѣе; о несчастіи своемъ говорилъ скромно и великодушно, и ни на кого не жаловался, видя во всемъ неисповѣдимую волю провидѣнія. Не понимаю, какъ могли поступить съ нимъ такъ несправедливо и жестоко! Николай не былъ злодѣй; Бенкендорфъ и Дуббельтъ были даже добрые люди: за что-же бѣдный Батенковъ (невинный во всякой землѣ, кромѣ Персіи, Турціи и Россіи) пострадалъ болѣе другихъ? Умному, образованному, глубокихъ чувствъ человѣку просидѣть двадцать лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ, безъ огня, безъ бумаги, безъ книгъ, и не говоря ни слова — ужасно! Недоумѣваю, но не могу не сказать: „Цари и мощные люди міра сего! помыслите, что вы смертны, и должны со временемъ отдать отчетъ Богу!“

Одичалый.

Pour lui il n'y a qu'une saison,
celle de la souffrance!
Jacques Arago.

I.

Я прежде говорилъ: „прости!“
Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,

Мечты вилися на пути,
И съ ними рядъ воздушныхъ зданій.
Тамъ другъ привѣтливый манилъ,
Туда звала семья родная,
Изъ полной чаши радость пилъ,
Надежды свѣтлыя питая.
Теперь „прости“ всему на вѣкъ!
Зачѣмъ живу безъ наслажденій?
Ужель еще я человѣкъ?
Нѣтъ! ... да! — для чувства лишь мученій!
Во мнѣ ли оттискъ божества?
Я-ль созданъ міра господиномъ?
Создатель — благъ. Ужель ихъ два?
Могу-ль Его назваться сыномъ? ...

Шмели покоятся въ дуплѣ,
Червякъ въ пыли по волѣ гнется —
И имъ не тѣсно на землѣ:
Имъ солнце свѣтитъ, воздухъ льется,
Имъ — все! А мнѣ едва во снѣ
Живая кажется природа ...
Ищу въ безчувственной стѣнѣ
Отзывъ подобнаго мнѣ рода*).

II.

Вонъ тамъ туманъ густой вдали,
И буря тучами играетъ;

*) Авторъ намекаетъ на переговоръ свой съ товарищемъ заточенія, посредствомъ стучанія въ стѣну.

Вода одна, и нѣтъ земли;
Жизнь томно факелъ погашаетъ.
Вонъ тамъ на воздухѣ виситъ,
Какъ страшный оставъ, камень голый,
И — дикъ и пустъ — шумитъ, трещитъ
Вокругъ трущебой лѣсъ сосновый.

Тамъ сѣрый свѣтъ,
Пространства нѣтъ —
И время медленно ступаетъ . . .
Борьбы стихій вездѣ тамъ слѣдъ . . .
Пустыня въ сиротствѣ рыдаетъ . . .
И тамъ уму
Въ тюрьмѣ тюрьму
Еще придумалось устроить . . .
Легко ему
Во мракѣ — тьму,
Въ тѣснинѣ — тѣсноту удвоить!
Тамъ пушекъ рядъ,
Тамъ ихъ снарядъ;
При каждомъ входѣ часовые.
Кругомъ крутятъ,
Кругомъ шумятъ
Морскія волны лишь сѣдыя.
Куда пойти?
Кому прійти
Сюда, безъ вѣдома смотрящихъ?
И какъ найти
Къ роднымъ пути,
Гдѣ даже нѣтъ и проходящихъ?

Все это *тамъ,* друзья, для васъ —
И рѣдко вамъ на мысль приходитъ . . .
Все это *здѣсь,* друзья, для насъ:
Здѣсь взоръ потухшій лишь находитъ
Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ,
Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
Соломы сгнившей пукъ обшитый,
И на увлаженныхъ стѣнахъ
Слѣды страданій позабытыхъ.

Живой въ гробу,
Кляну судьбу,
И день несчастнаго рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачѣмъ вдохнула изъ презрѣнья?

III.

Скажите: свѣтитъ ли луна?
И есть ли птички хоть на волѣ?
Имъ дышутъ ли зефиры въ полѣ?
По старому-ль цвѣтетъ весна?
Ужель и люди веселятся?
Ужель *не ихъ* — ихъ не страшитъ?
Другъ другу смѣетъ повѣряться
И думаетъ и говоритъ . . .?
Не вѣрю. Все перемѣнилось:
Земля вращается, стеня,
И солнце красное сокрылось . . .
Но, можетъ-быть, лишь для меня!

IV.

Вонъ тамъ, весной,
Земли пустой
Кусокъ вода струей отмыла*).
Тамъ глушь: полынь и мохъ густой —
И будетъ тамъ моя могила!
Ни чьей слезой
Прахъ бѣдный мой
Въ гробу гниломъ не оросится,
И на покой
Чужой рукой
Рѣсницъ чета соединится.

Не урна скажетъ, гдѣ лежитъ
Души безсмертной бренна рама;
Не пышный памятникъ стоитъ,
Не холмъ цвѣтистый — влажна яма.
Кто любитъ, не придетъ туда;
Родной и другъ искать не будетъ
Ко мнѣ заросшаго слѣда;
Его могильщикъ позабудетъ.
Здѣсь имя — въ гробовую тьму . . .
Добра о немъ уже не скажутъ —
И съ удовольствіемъ къ нему
Враги одно лишь зло привяжутъ.
Погибли чувства и дѣла,
Все доброе мое забыто,

*) Противъ Шварцгольма, недалеко отъ матерого берега, есть голый островъ, на которомъ хоронятъ умершихъ этой крѣпости.

И не осмѣлится хвала
Мнѣ приписать его открыто.

Довольно разъ
Къ цѣпямъ у насъ
Себѣ позволить отвращенье,
Сказать . . . поднять чело на часъ —
И расклокочется гоненье . . .

Кукушка стонетъ, змѣй шипитъ,
Сова качается на ели
И кожей нетопырь шумитъ —
Вотъ пѣснь кругомъ сырой постели.
Песокъ несется, илъ тресется,
Выходитъ паръ изъ мокроты,
И ржавый мохъ въ болото ткнется —
Вотъ мнѣ привѣтные цвѣты!
Придетъ холодный Финъ порой —
И, въ сердцѣ страхъ одинъ имѣя,
Смутится самой тишиной,
И скажетъ: „Здѣсь пріютъ злодѣя —
Уйдемъ скорѣй, ужь скоро ночь!
Онъ чудится и въ гробѣ смутой . . .“
Съ коломъ въ рукахъ, въ боязни лютой,
Крестясь, пойдетъ оттолѣ прочь.

О, люди, знаете-ль вы сами,
Кто васъ любилъ, кто презиралъ,
И для чего, подъ небесами,
Одинъ стоялъ, другой упалъ?
Пора придетъ: не лживый свѣтъ
Блеснетъ — всѣмъ будетъ обличенье . . .

Нѣтъ! не напрасно данъ завѣтъ,
Дано святое наставленье,
Что Богъ — любовь; и вамъ любить
Единый къ благу путь указанъ . . .
И Тотъ, кто васъ училъ такъ жить,
Самъ былъ гонимъ, самъ былъ наказанъ . . .
Но чѣмъ то̀ сердце будетъ здѣсь,
Которое любить умѣло,
И съ юныхъ лѣтъ уже презрѣло
Своекорыстіе и спѣсь?
Что будетъ око прозорливо,
Которое земли покровъ
Такъ обнимало горделиво
И бѣги мѣрило міровъ?
Что будетъ черепъ головной,
Разнообразныхъ думъ обитель? . . .
Земля смѣшается съ землей,
Истлитъ все время-истребитель . . .!
Но скоро ли? Какъ для меня
Желателенъ конецъ дыханья!
Тлѣнъ благотворнаго огня
Сулитъ покой, конецъ страданья!
Но, други, въ этотъ самый часъ,
Какъ кончу я мой путь печальный,
Быть-можетъ, трепетъ погребальный
Раздастся въ сердцѣ и у васъ.
Иль межь душами нѣтъ сношеній,
И чувства чувство не пойметъ?
Ненужный вамъ для наслажденій,
Равно — живетъ иль не живетъ?

Ужель себя
Однихъ любя
Во мнѣ лишь средство веселиться
Искали вы, и не скорбя,
Могли на вѣкъ со мной проститься?
И крови гласъ
Ужели васъ
Ко мнѣ порой не призываетъ?
И дружбы жаръ въ *прости* погасъ —
И стону хохотъ отвѣчаетъ? . . .

Пусть такъ. Забытый и гонимый,
Я сохраню въ груди своей
Любви запасъ неистощимый,
Для жизни новой, послѣ сей!
Вкушайте сильные покой,
Готовьте новыя мученья:
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!
Безсмертіе! Въ тебѣ одномъ
Одна несчастному отрада:
Покой — въ забвеньи гробовомъ,
Во упованіи — награда.
Здѣсь все, какъ сонъ, пройдетъ. Пождемъ —
Призывный голосъ навѣваетъ —
Мы терпимъ, бремя мукъ несемъ,
Жизнь тихо теплится — и таетъ . . .

1827. Май. Г. С. Батенковъ.

Шварттольмъ,
крѣпость въ Финляндіи.

БАРОНЪ ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ШТЕНГЕЛЬ.

Былъ человѣкъ умный, образованный, любезный. Онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ служилъ правителемъ канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Тормасова и пользовался его довѣренностію. По смерти графа былъ уволенъ отъ службы и потомъ никакъ не могъ добиться опредѣленія кудалибо. Онъ попалъ въ разрядъ тѣхъ, при имени которыхъ въ тайномъ государевомъ реестрѣ помѣчено было: *не давать ходу*. Напрасны были всѣ его старанія и хлопоты, напрасны всѣ ходатайства и предстательства. Негодованіе и безнадежность довели Штенгеля до отчаянія. Познакомившись около этого времени и съ Рылѣевымъ и узнавъ о замыслахъ либераловъ, онъ съ радостію присталъ къ нимъ, участвовалъ въ движеніи 14 Декабря и былъ сосланъ въ Сибирь. Онъ выжилъ время своего заточенія и теперь живетъ въ Петербургѣ.

КНЯЗЬ ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВИЧЪ ОБОЛЕНСКІЙ.

Адъютантъ Карла Ивановича Бистрома, молодой человѣкъ, благородный, умный, об-

разованный, любезный, пылкаго характера и добрѣйшаго сердца, увлеченъ былъ въ заговоръ Рылѣевымъ — и погибъ.

Онъ выжилъ срокъ заточенія въ Сибири, получилъ прощеніе и живетъ теперь въ Калугѣ. Я не зналъ его хорошо, но встрѣчалъ его въ обществѣ и не могъ имъ налюбоваться. По словамъ лицъ знавшихъ его, Россія лишилась въ немъ героя.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МУХАНОВЪ.

Гвардейскій офицеръ, образованный и не глупый, добрякъ, любезный въ обществѣ, забавникъ и шутникъ, извѣстный въ своемъ кругу подъ кличкою *ротмистра Галла,* попалъ въ число заговорщиковъ вѣроятно и самъ того не зная. Онъ двоюродный братъ знаменитаго намъ форшнейдера просвѣщенія. Жаль, что не сослали этаго — тогда не было бы на каторгѣ русское просвѣщеніе.

НИКОЛАЙ РОМАНОВИЧЪ ЦЕБРИКОВЪ.

Поручикъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, жертва случая. Онъ стоялъ съ баталліономъ своего полка за городомъ въ селеніи

Гостилицахъ и, ничего не зная, пріѣхалъ 14 Декабря въ Петербургъ, чтобы погулять на праздникахъ съ товарищами полка, стоявшаго на васильевскомъ островѣ. Подъѣхавъ отъ Синяго моста къ конно-гвардейскому манежу и видя толпу народа, онъ выскочилъ изъ саней и спрашивалъ, что случилось? Вдругъ видитъ — бѣжитъ мимо манежа на Сенатскую площадь гвардейскій экипажъ; впереди офицеры съ обнаженными саблями. Цебриковъ зналъ многихъ изъ нихъ, потому что родной его братъ (нынѣ вицеадмиралъ въ отставкѣ) служилъ въ экипажѣ. Онъ закричалъ имъ: „Куда васъ чертъ несетъ, карбонары?“ это подслушалъ какой-то квартальный — и донесъ, что Цебриковъ кричалъ: „Въ каре противъ кавалеріи!“ Цебриковъ оправдывался передъ слѣдственною коммиссіею; оправданіе почли упрямствомъ и дерзостью: онъ былъ причисленъ къ двадцатому (самому легкому) разряду, и приговоренъ къ разжалованію въ солдаты съ выслугою. По внушенію взбалмошнаго Дибича, государь усилилъ наказаніе разжалованіемъ безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства. Это было жестоко и противно законамъ, ненаписаннымъ правда, но существующимъ повсюду. Верховная власть или утверждаетъ наказаніе, или смягчаетъ его, но никогда не усили-

ваетъ. Только врагъ государя могъ подать ему сей совѣтъ. Къ тому-же Цебриковъ не былъ виноватъ, не подавалъ дурнаго примѣра, не бунтовалъ, только въ негодованіи на глупый доносъ не смирился передъ безтолковыми судьями. Цебриковъ былъ вѣрно сосланъ на Кавказъ, прослужилъ тамъ положенный терминъ, получилъ солдатскій георгіевскій крестъ и возвратился къ роднымъ. Теперь онъ доживаетъ грустный свой вѣкъ въ Петербургѣ.

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился въ 1802 году въ Москвѣ. Какъ видно изъ его формулярнаго списка, онъ поступилъ 1-го октября 1821 года юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ изъ отставныхъ губернскихъ секретарей, 4-го мая 1822 года произведенъ въ эстандартъ-юнкера, а 23-го февраля 1823 года — въ корнеты.

Люди, знавшіе Одоевскаго въ Петербургѣ, до ссылки, вспоминаютъ о немъ, какъ о благородномъ, умномъ, миломъ и весьма красивомъ молодомъ человѣкѣ. „Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ,“ говоритъ Грибоѣдовъ, въ письмѣ къ Бѣгичеву, отъ 9-го сентября 1825 года: „поручаю

его твоему дружескому расположенію, какъ самаго тебя. Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію — таковъ онъ совершенно, плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ.“ Здѣсь говорится о послѣдней поѣздкѣ Одоевскаго въ Москву, въ ноябрѣ 1825 года, для свиданія съ отцомъ, котораго онъ такъ горячо любилъ и съ которомъ ему уже не суждено было свидиться болѣе на этомъ свѣтѣ.

„Возвращаясь изъ поѣздки въ Москву,“ пишетъ Н. И. Г—ь въ своихъ „Запискахъ“: „Одоевскій встрѣтился на одной станціи съ Магницкимъ (попечителемъ казанскаго округа), ѣхавшимъ по-неволѣ въ Казань, бесѣдовалъ съ нимъ, и потомъ разсказывалъ мнѣ очень забавно объ этой встрѣчѣ. Я не замѣтилъ въ Одоевскомъ ни малѣйшей наклонности къ тому, что вскорѣ случилось.“

Одоевскій былъ принятъ въ число членовъ сѣвернаго тайнаго общества Рылѣевымъ, въ началѣ 1824 года, и съ того времени началъ принимать дѣятельное участіе въ собраніяхъ общества, происходившихъ обыкновенно на квартирѣ у Рылѣева (на Мойкѣ, близъ Краснаго моста, въ домѣ Россійской Американской Компаніи). 12-го и 13-го декабря 1825 года были, у Рылѣева

же, два послѣднія засѣданія тайнаго общества, на которыхъ было принято рѣшеніе — произвести движеніе утромъ 14-го декабря. На первомъ изъ нихъ былъ и Одоевскій, который, по свидѣтельству „Донесенія Слѣдственной Коммиссіи“, сказалъ при этомъ: „Умремъ! ахъ, какъ славно мы умремъ!“ На засѣданіи 13-го декабря его небыло, такъ-какъ утромъ того числа онъ вступилъ въ караулъ, въ Зимнемъ дворцѣ, откуда могъ смѣниться только утромъ 14-го декабря. Но 12-го числа вечеромъ, послѣ собранія у Рылѣева, онъ еще побывалъ у князя Оболенскаго, куда собрались офицеры разныхъ полковъ за послѣдними инструкціями, касательно будущихъ дѣйствій. Князь Оболенскій сообщилъ имъ приказанія диктатора (князя Трубецкого) и думы — стараться въ день, который назначится для присяги, возмутить и вести за собой на Сенатскую площадь, сколько будетъ имъ возможно, нижнихъ чиновъ изъ полковъ своихъ, а если не удастся, то, покрайней-мѣрѣ, быть самимъ. Смѣнившись съ караула 14-го декабря утромъ, Одоевскій переодѣлся и тотчасъ же вышелъ на Сенатскую площадь, гдѣ уже собрались полки Московскій и Лейбъ-Гренадерскій и Гвардейскій Экипажъ, подъ предводительствомъ членовъ тайнаго общества. По усмиреніи

возстанія, Одоевскій былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими членами общества, допрошенъ самимъ Николаемъ Павловичемъ и посаженъ въ Алексѣевской равелинъ Петропавловской крѣпости. Здѣсь, въ 16-мъ нумерѣ, имѣя, за стѣной, съ одной стороны Рылѣева, и съ другой — Николая Бестужева, онъ просидѣлъ слишкомъ полъ года. 10-го іюля 1826 года государь утвердилъ приговоръ верховнаго уголовнаго суда, по которому Одоевскій лишался чиновъ, княжескаго достоинства и ссылался въ каторжную работу на 12-ть лѣтъ; 12-го числа приговоръ этото былъ объявленъ подсудимому, а 13-го приведенъ въ исполненье. Затѣмъ 22-го августа 1826 года срокъ каторги былъ сокращенъ съ 12-ти на 8 лѣтъ, а 8-го ноября 1832 года Одоевскій былъ вовсе освобожденъ отъ каторги и сосланъ на поселеніе, гдѣ пробылъ еще пять лѣтъ, т. е. до конца 1837 года. Такимъ образомъ Одоевскій провелъ въ тундрахъ Сибири одиннадцать лѣтъ — лучшіе годы своей жизни. Большая часть стихотвореній, вошедшихъ въ предлагаемое изданіе, написана имъ въ теченіе этихъ томительныхъ одиннадцати лѣтъ, подтачивавшихъ его мало по малу и наконецъ вогнавшихъ въ чахотку. Одоевскій писалъ много, но ни когда не печаталъ своихъ стихотвореній. Все намъ

извѣстное появилось въ свѣтъ уже послѣ его смерти, за исключеніемъ пьесы „Сенъ-Бернаръ“, напечатанной Плетневымъ въ X томѣ „Современника“ на 1838 годъ, конечно безъ спроса на то соизволенія автора, что мы вправѣ предположить, зная исторію напечатанія въ томъ же журналѣ „Казначейши“ Лермонтова. По словамъ людей, знавшихъ близко Одоевскаго, онъ сочинялъ стихи наизусть и очень редко клалъ ихъ потомъ на бумагу. Немногія стихотворенія, собранныя въ предлагаемомъ изданіи, сохранились случайно, бывъ записаны со словъ поэта кѣмъ-нибудь изъ близкихъ ему людей, тотчасъ по ихъ прочтеніи. Остальныя — погибли невозвратно вмѣстѣ съ поэтомъ.

Высочайшимъ приказомъ отъ 7-го ноября 1837 года Одоевскій былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ-Колодцевъ, верстахъ въ ста Тифлиса. Одоевскій отправился туда вмѣстѣ съ Назимовымъ, тоже декабристомъ, переведеннымъ на Кавказъ рядовымъ. Подъѣзжая къ Ставрополю, увидали они стадо птицъ, направлявшихъ полетъ къ Кавказу. „Привѣтствуй ихъ!“ сказалъ Назимовъ поэту. Одоевскій немного подумалъ и потомъ продекламиро-

валъ свой прелестный экспромтъ, начинающійся стихомъ:

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?

Сочувствіе всѣхъ благородныхъ людей и дружба многихъ, въ томъ числѣ и Лермонтова, встрѣтили Одоевскаго на Кавказѣ и вскорѣ заставили его позабыть свое тяжелое положеніе. Лѣтомъ 1839 года онъ былъ въ Пятигорскѣ, и тамъ, черезъ доктора Мейера, познакомился и сошелся съ Н. П. Огаревымъ, также пріѣхавшимъ туда лечиться. Эта интересная встрѣча описана Огаревымъ довольно подробно въ его статьѣ: „Кавказскія воды", къ которой мы и обращаемся теперь, какъ къ единственному источнику для уясненія характера Одоевскаго, этого по-истинѣ святого человѣка, котораго вся жизнь была посвящена служенію добру и истинѣ.

„Одоевскій былъ, безъ сомнѣнья," говоритъ Огаревъ, „самый замѣчательный изъ декабристовъ, бывшихъ въ то время на Кавказѣ. Лермонтовъ списалъ его съ натуры. Да, этотъ

. . . . . блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь милую . . .

не забудетъ никто изъ знавшихъ его. Въ этихъ глазахъ выражалось спокойствіе духа,

скорбь не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ человѣка, въ нихъ выражалось милосердіе. Можетъ-быть эта сторона, самая поэтическая сторона христіанства, всего болѣе увлекла Одоевскаго. Онъ весь принадлежалъ къ числу личностей христоподобныхъ. Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь: съ той же любовью къ товарищамъ, съ той же преданностію къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можетъ-быть онъ даже любилъ свое страданіе: это совершенно въ христіанскомъ духѣ . . . Да не только въ христіанскомъ духѣ, это въ духѣ всякой преданности общему дѣлу, дѣлу убѣжденія, въ духѣ всякаго страданія, которое не вертится около своей личности, около неудачъ какого нибудь мелкаго самолюбія. Отрицаніе самолюбія Одоевскій развилъ въ себѣ до крайности. Онъ никогда не только не печаталъ, но и не записывалъ своихъ многочисленныхъ стихотвореній, не полагая въ нихъ никакого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизусть и читалъ наизусть людямъ близкимъ. Въ голосѣ его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться. Изъ немногихъ, въ недавнее время напечатанныхъ его стиховъ, въ стихотвореніи „Къ

отцу“ напримѣръ — я узнаю эту теплую искренность, но это не та удивительная отдѣлка и гармонія стиха, которая осталась у меня въ памяти. Принадлежитъ ли это стихотвореніе къ очень юнымъ, или оно не точно записано?... Онъ обыкновенно отклонялъ всякое записываніе своихъ стиховъ; и не знаю на сколько списки могутъ быть вѣрны. Хотѣлъ ли онъ пройти въ свѣтѣ „безъ шума, но съ твердостью“, пренебрегая всякой славой?... Чтобы ни было, но

„..... дѣла *его* и мнѣнья,
И думы — все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ...“

и у меня въ памяти осталась музыка его голоса — и только. Мнѣ кажется, я сдѣлалъ преступленье, ничего не записывая, хотя бы тайкомъ. Въ недогадливой безпечности, я даже не записалъ ни его, ни другихъ разсказовъ про Сибирь. И еще я сдѣлалъ преступленіе: въ моихъ безпутныхъ странствіяхъ, я гдѣ-то оставилъ его портретъ, сдѣланный карандашемъ еще въ Сибири и литографированный. Онъ представленъ въ какой-то чуйкѣ съ мѣховымъ воротникомъ и очень похожъ...

„Встрѣча съ Одоевскимъ и декабристами возбудила всѣ мои симпатіи до состоянія какой-то восторженности. Я стоялъ лицомъ

къ лицу съ нашими мучениками, я — идущій по ихъ дорогѣ, я — обрекающій себя на ту же участь ... это чувство меня не покидало. Я написалъ въ этомъ смыслѣ стихи, которые, вѣроятно, были плохи по формѣ, потому-что я тогда писалъ много и черезъ-чуръ плохо, но которые по содержанію навѣрно были искренни до святости, потому-что иначе не могло быть. Эти стихи я послалъ къ Одоевскому, послѣ долгихъ колебаній истиннаго чувства любви къ *нимъ,* и самолюбивой застенчивости. Часа черезъ два я самъ пошелъ къ нему. Онъ стоялъ середь комнаты; мои стихи лежали передъ нимъ на стулѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ глубокимъ, добрымъ участіемъ и раскрылъ объятія; я бросился къ нему на шею и заплакалъ какъ ребенокъ. Нѣтъ! и теперь не стыжусь я этихъ слёзъ; въ самомъ дѣлѣ это не были слёзы пустого самолюбія. Въ эту минуту я слишкомъ любилъ его и ихъ всѣхъ, слишкомъ чисто былъ преданъ общему дѣлу, чтобъ какое нибудь маленькое чувство могло имѣть доступъ до сердца. Они были чисты эти минуты, какъ рѣдко бываетъ въ жизни. Дѣло было не въ моихъ стихахъ, а въ отношеніи къ начавшему, къ распятому поколенію — поколѣнія, принявшаго завѣтъ и продолжающаго задачу.

„Съ этой минуты мы стали близко другъ къ другу. Онъ — какъ учитель, я — какъ ученикъ. Между нами были слишкомъ десять лѣтъ разницы: моя мысль была еще не устоявшаяся; онъ выработалъ себѣ цѣлость убѣжденій, съ которыми я могу теперь быть несогласенъ, но въ которыхъ все было искренно и величаво. Я смотрѣлъ на него съ религіознымъ восторгомъ. Онъ былъ мой критикъ. Изъ всѣхъ моихъ тогдашнихъ писаній, давно заброшенныхъ, я всегда помнилъ исключительно два стиха, потому-что они ему понравились, и укралъ ихъ самъ у себя впослѣдствіи. Но гораздо большее вліяніе онъ имѣлъ на меня въ теоретическомъ направленіи, и на моей хорошо подготовленной романтической почвѣ быстро выростилъ христіанскій цвѣтокъ — блѣдный, унылый, съ наклоненной головою, у котораго самая чистая роса похожа на слёзы. Вскорѣ я могъ съ умиленіемъ читать Ѳому Кемпійскаго, стоять часы на колѣняхъ передъ распятіемъ и молиться о ниспосланіи страдальческаго вѣнца . . . за русскую свободу. Отъ этаго первоначальнаго стремленія, основнаго помысла ни онъ никогда не могъ оторваться, ни я, и къ нему, какъ къ единой окончательной цѣли, примыкало наше религіозное настроеніе, съ тою разницею, что онъ уже

носилъ страдальческій вѣнецъ, а я его жаждалъ.

„Былъ ли Одоевскій католикъ или православный — не знаю. Припоминая время, въ два десятка лѣтъ уже такъ много поблѣднѣвшее въ памяти, мнѣ кажется, я долженъ придти къ отрицанію того и другого. Онъ былъ просто христіанинъ, философъ, или, скорѣе, поэтъ христіанской мысли, внѣ всякой церкви. Онъ въ христіанствѣ искалъ не церковнаго единства, какъ Чаадаевъ, а исключительно самоотрѣченія, чувства преданности и забвенія своей личности: къ этому вели его и обстоятельства жизни, съ самой первой юности, и самый складъ мозга; это настроеніе было для него естественно. Но отъ этаго самаго онъ не могъ быть и православнымъ; церковный формализмъ былъ ему чуждымъ. Вообще церковь была ему не нужна; ему только было нужно подчинить себя идеалу человѣческой чистоты, которая для него осуществилась въ Христѣ.

„. . . . . мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной . . .“

то-есть мечты какого-нибудь личнаго счастья, онъ не ввѣрялъ, потому-что ее у него не было. Его мечта была только самоотверженіе. Ссылка, невольное удаленіе отъ

гражданской дѣятельности, привязала его къ религіозному самоотверженію, потому-что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать. Но, можетъ-быть, и при другихъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы только поэтомъ гражданской дѣятельности: чистокъ практическому поприщу едва ли была способна его музыкальная мысль. Что въ немъ отразилось направленіе славянства — это свидѣтельствуетъ пѣснь славянскихъ дѣвъ, набросанная имъ въ Сибири, случайно, вслѣдствіе разговоровъ и для музыки, и конечно принадлежащая къ числу его неудачныхъ, а не его настоящихъ, съ нимъ похороненныхъ стихотвореній. Она важна для насъ, какъ памятникъ, какъ свидѣтельство того, какъ въ этихъ людяхъ глубоко лежали всѣ зародыши народныхъ стремленій; но и въ этой пѣснѣ выразились только заунывный напѣвъ русскаго сердца и тайная вѣра въ общую племенную будущность, а о православіи нѣтъ и помину . . .

„Въ августѣ мы поѣхали въ Желѣзноводскъ. Н. и Одоевскій переселились туда же. Мейеръ пріѣзжалъ какъ только могъ часто. Желѣзноводскъ мой любимый уголъ на кавказскихъ водахъ. Онъ лежитъ въ лѣсной долинѣ между Бештовой, Желѣзной и Змѣнной горами. Дикая прелесть и свѣжесть этаго мѣста, съ его зеленой тѣнью,

дають отдыхъ послѣ Пятигорска, палимаго солнцемъ. Жизнь шла мирно въ кругу такъ для меня близкомъ. Я помню въ особенности одну ночь. Н., Одоевскій и я, мы пошли въ лѣсъ, по дорожкѣ къ источнику. Деревья по всей дорожкѣ дико сплетаются въ крытую аллею. Мѣсяцъ просвѣчивалъ сквозь темную зелень. Ночь была чудная. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ разсказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся . . .

„Долго слѣдилъ я зоркую поступь . . ."

Онъ кончилъ, а этотъ стихъ и его голосъ все звучали у меня въ ушахъ. Стихъ остался въ памяти; самый образъ Одоевскаго, съ его звучнымъ голосомъ, въ поздней тишинѣ лѣса, мнѣ теперь кажется тоже какимъ-то видѣніемъ, возникшимъ и исчезнувшимъ въ лунномъ сіяніи кавказской ночи.

„Въ одно утро я получилъ эстафету, что мой отецъ при-смерти боленъ. Я тотчасъ собрался въ дорогу . . . Грустно простился я съ моимъ Н. и на вѣки простился съ Мейеромъ и Одоевскимъ . . . Мейеръ умеръ гдѣ-то на югѣ, среди дружнаго съ

нимъ семейства генерала Раевскаго: онъ не долго пережилъ утрату Одоевскаго, не устоялъ передъ скорбью своего сердца. Исчезъ и онъ — тихій мученикъ за русскую свободу, поэтъ, міру невѣдомый: безслѣдно замеръ его голосъ — и только „Море Черное шумитъ не умолкая . . .“

Одоевскій умеръ 10-го октября 1839 года, въ урочищѣ Кара-Агачъ, штабъ-квартирѣ Нижегородскаго драгунскаго полка. Лермонтовъ почтилъ его память прелестнымъ стихотвореніемъ, которое мы и помѣщаемъ здѣсь.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ А. И. ОДОЕВСКАГО.

I.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще не зрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

II.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья . . . Но, безумный —
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

III.

Но онъ погибъ далеко онъ друзей . . .
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твомъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ не единый . . .

IV.

И было-ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга —
Кто скажетъ намъ? . . . Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья,
И думы — все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ —
Куда они? зачѣмъ? откуда? кто ихъ спроситъ!

V.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной . . .
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье!
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи!

VI.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты . . .
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной.
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ её объемлетъ:
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая.
А Море Чорное шумитъ не умолкая.

1839 г. М. Лермонтовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ КНЯЗЯ А. И. ОДОЕВСКОГО.

Далекій путь.

(На пріѣздъ Камилы Петровны Ивашевой.)

По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается:
Что не парень удалой
Бѣлымъ снѣгомъ опушается?
Нѣтъ! а ласточкой летитъ
По дорогѣ красна дѣвица;
Мчатся кони . . . отъ копытъ
Вьется легкая мятелица.

Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душою въ даль уносится;
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится:
Грустно ей — родная мать
Тужитъ тугою сердечною:
Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною.

Сердцу горе суждено!
Сердце на̀ двое не дѣлится —
Разрывается оно . . .
Дальній путь предъ нею стелится . . .
Но зачѣмъ въ степную даль
Свѣтъ-душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль,
За желѣзными затворами.

„Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ,“
Мыслитъ-молвитъ красна дѣвица:
„Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ . . .
„Встань, неси меня мятелица —
„Занеси въ его тюрьму!
„Пусть, какъ птичка домовитая,
„Прилечу я — и къ нему
„Притаюсь, людьми забытая!“

1831.

Два образа.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И, вѣчно-ясные, надъ сумрачнымъ путемъ
Слились въ созвѣздіи, свѣтились сквозь печали,
И согрѣвали духъ живительнымъ лучемъ.

Я возносился къ нимъ съ молитвой благодарной,
Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня;
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ и врѣзалась въ меня.

Я міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья —
Казалось, предо-мной открылся міръ чудесъ;
Онъ ихъ лучами цвѣлъ; и блескъ всего созданья
Былъ отсвѣтъ образовъ, свѣтившихъ мнѣ съ небесъ.

И жаждалъ я на все пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести . . .
Я въ море бросился — и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.

Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи;
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ —

На влажную главу подъялъ меня могучій,
Меня недвижнаго понесъ онъ и примчалъ —

И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню . . .
Что шагъ — то гробъ, на жизнь — отвѣтной жизни нѣтъ;
Но я еще хранилъ души моей святыню,
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ!

Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось —
Все было ихъ огнемъ. Ихъ лучъ меня живилъ;
Но небо надо-мной померкло и спустилось —
И пали двѣ звѣзды на камни двухъ могилъ . . .

Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ —
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ, и съ нѣжностью и страхомъ,
Но не могу ихъ злить въ живую полноту.

Кто силу воскресить потухшихъ впечатлѣній,
И въ образы сведетъ несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сновидѣній —
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

И только въ памяти, какъ на плитáхъ могилы.
Два имени горятъ; когда я ихъ прочту,
Какъ струны задрожатъ всѣ жизненныя силы —
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

1832.

Ивану Дмитріевичу Якушкину

(раздѣлившему со мною вѣтку съ могилы Лауры).

Въ странахъ, гдѣ сочны лозы виноградныя.
Гдѣ солнце, воздухъ, сѣнь лѣсовъ
Дарятъ живыя чувства и отрадныя,
И въ дѣвахъ дышетъ жизнь цвѣтовъ —
Ты былъ; пронесъ пытливый посохъ странника
Туда, гдѣ бьетъ Воклюзскій ключъ . . .
И гдѣ же встрѣтилъ я тебя, изгнанника?
Въ степяхъ, въ странѣ снѣговъ и тучъ!
И чтожъ осталось въ память солнца южнаго?
Одну лишь вѣтку ты хранилъ
Съ могилы Лáуры: полный чувства дружнаго,
И ту со мною раздѣлилъ!
Такъ будемъ же печалями завѣтными
Дѣлиться здѣсь, въ отчизнѣ вьюгъ,
И крыльями, для міра незамѣтными,
Перелетать на свѣтлый югъ.

Туда, гдѣ долъ цвѣтетъ весною яркою
Подъ шопотъ авиньонскихъ струй,
Гдѣ мысль твоя съ Лаурой и Петраркою
Слилась, какъ нѣжный поцалуй.

1827.

Княгинѣ М. Н. Волконской.

(Въ день ея рожденія.)

Былъ край слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный — на небѣ тамъ рожденный —
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли —

И каждый день садились у ограды
И сквозь нея небесныя уста

По каплѣ имъ точили медъ отрады . . .
Съ-тѣхъ-поръ — лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего . . .

25-го декабря 1829 года.

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы — на югъ! — туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ —
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ,
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ —
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью?...

1838 г.

Къ отцу.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними полный жизни міръ;
А здѣсь я — одинокъ и сиръ —
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ —
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чьё сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

Проснется-ль темный сводъ небезъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ —
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ,
Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда-жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стряхнетъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдетъ, растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу пріймeтъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ,
И не молиться мнѣ съ отцомъ

Передъ домашнею иконой!
Не утѣшать его сѣдинъ!
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!

Меня въ чужбину вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой челнъ, скользившій безъ кормила . . .
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ некровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

Съ-тѣхъ-поръ — займется ли заря —
Молю я солнышко-царя,
И вотъ къ нему мое моленье:
„Меня, о солнце! воскреси,
„И дай мнѣ на святой Руси
„Побыть, вздохнуть одно мгновенье!

„Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
„Игралище безумныхъ волнъ,
„На океанъ твоей державы,
„Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей,
„И грѣшной юности моей
„Не помяни ты въ царствѣ славы! . . .“

Къ ***.

Какъ носятся тучи за вѣтромъ осеннимъ,
Я мыслью ношусь за тобою —

А встрѣчусь — забьется въ груди ретивое,
Какъ листъ запоздалый на вѣткѣ.

Хотѣлъ бы, какъ небо — въ глубь синяго моря,
Смотрѣть, и смотрѣть тебѣ въ очи!
Привѣтливой рѣчи, какъ пѣсни родимой,
Въ изгнаньи хотѣлъ бы послушать!

Но свѣта въ пространствѣ падучей звѣздою
Мелькнешь, ненаглядная, мимо —
И снова не видно, и снова тоскую,
Усталой душой сиротѣя . . .

Матери.

Тебя ужь нѣтъ, но я тобою
Еще дышу;
Туда, въ лазурь, я за тобою
Спѣшу, спѣшу . . .
Когда же ласточкой взовьюся
Въ тотъ лучшій міръ,
Растаю — и съ тобой сольюся
Въ одинъ эѳиръ,
Чтобъ съ неба пасть росой жемчужной,
Алмазомъ слёзъ —
На землю ту, гдѣ крестъ я дружно
Съ тобою нёсъ;

И, на землѣ блеснувъ слезою,
Взовьемся вновь —
Туда, гдѣ вѣчною зарею
Горитъ любовь . . .!

На смерть графа П. П. Коновницына.

На грозномъ приступѣ, въ пылу кровавой битвы,
Онъ нѣжной матери нигдѣ не забывалъ —
Онъ имя сладкое сливалъ
Со словомъ искренней молитвы . . .
Опять увидѣть взоръ очей,
Услышать радостные звуки,
Прижать къ устамъ уста и руки
Любимой матери своей —
Вотъ были всѣ его желанья!
Уже минули дни страданья —
Ее опять увидѣлъ онъ;
Но дни минутные свиданья,
Но ихъ взаимно-сладкій сонъ
Едва приснился имъ . . . и снова
Изъ-подъ семейственнаго крова
Онъ въ край восточный полетѣлъ . . .
Восторгомъ взоръ еще горѣлъ;
Еще отъ сладкаго волненья
Вздымалась радостная грудь —
И, не докончивъ сновидѣнья,
Уже онъ кончилъ жизни путь . . .

Когда, въ послѣдній часъ, изъ устъ тѣснился духъ,
Онъ вспомнилъ съ горестью глубокой
О нѣжной матери, объ узницѣ далекой —
И съ третьимъ именемъ потухъ . . .

1832.

Охлажденіе.

Мучительно слѣдить за медленной утратой,
Годами купленной, любовію богатой
И близкой намъ души. Нести завѣтныхъ узъ
Не въ силахъ бѣдная. Таинственный союзъ
Разрушенъ на всегда. Не умыселъ коварный
Созрѣлъ измѣною въ душѣ неблагодарной;
Ни легкомыслiе, ни медленный расчетъ
На связи прежніе въ ней холодно встаетъ.
Другой лежитъ ей путь, другія впечатлѣнья
Уносятъ прежніе; ни гнѣва, ни презрѣнья,
А пламенныхъ молитвъ и непритворныхъ слёзъ
Достойна бѣдная. Блаженъ, кто перенёсъ
Паденіе ея безъ грѣшнаго укора —
Кто въ преступленіе ей не вмѣнилъ позора,
Кто цѣломудренно хранилъ въ душѣ своей
Воспоминаніе однихъ прошедшихъ дней;
Кто для нея сберегъ одни благословенья,
Да дружбу грустную, да славы умиленья!

При извѣстіи о польской революціи.

Недвижимы, какъ, мертвые въ гробахъ,
Невольно мы въ болѣзненныхъ сердцахъ
Хоронимъ чувствъ привычные порывы;
Но ихъ объялъ еще не вѣчный сонъ,
Еще струна издастъ бывалый звонъ —
Она дрожитъ — еще мы живы!

Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны —
Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились ...
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!

И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ?
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ! —
Тамъ съ Русью ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поётъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, пролившихъ лучъ святой
Въ спасенье русскому народу.

Мы братья ихъ! Святыя имена
Еще горятъ въ душѣ: она полна
Ихъ образовъ, и мыслей, и страданій.
Въ ихъ имени таится чудный звукъ:
Въ насъ будитъ онъ всю грусть минувшихъ мукъ,
Всю цѣпь возвышенныхъ мечтаній.

Нѣтъ, въ насъ еще не гаснутъ ихъ мечты!
У насъ въ сердца ихъ врѣзаны черты,
Какъ имена въ надгробный камень.
Лишь вспыхнетъ огнь во глубинѣ сердецъ,
Пять жертвъ встаютъ предъ нами; какъ вѣнецъ,
Вкругъ выи вьется синій пламень . . .

Сей огнь пожжетъ чело ихъ палачей,
Когда предъ судъ властителя царей
И палачи и жертвы станутъ рядомъ . . .
Да судитъ Богъ! . . . А насъ, мои друзья,
Пускай утѣшитъ мирная кутья
Своимъ таинственнымъ обрядомъ.

1831.

А. С. Пушкину

(въ отвѣтъ на его посланіе: „Въ Сибирь“).

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись нами руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь покоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя —

И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И въ нею грянемъ на царей —
И радостно вздохнутъ народы.
1827 г.

Роза и Соловей.

„Что̀ ты склонилась такъ печально,
„Что̀ не глядишь ты на меня?
„Давно пою и славлю розу,
„А ты не слушаешь меня!“

— Зачѣмъ мнѣ слушать? слишкомъ громко
Поешь ты про свою любовь.
Мнѣ грустно: ты меня не любишь,
Поешь не для меня одной. —

„Но ты, какъ дѣва Франкистана,
„Не расточай души своей:
„Мнѣ одному отдай всю душу —
„Тогда я тихо запою.“

Славянскія дѣвы.

Нѣжны и быстры ваши напѣвы!
Что-жь не поёте *лятскія дѣвы,*

Въ ладъ ударяя легкой стопой?
Сербскія дѣвы! — пѣсни простыя
Любите пѣть; но чувства живыя
Въ дикомъ напѣвѣ блещутъ красой.

Кто же напѣвы *чехинь* услышитъ,
Звучныя пѣсни сладостныхъ дѣвъ —
Дышитъ любовью, славою дышитъ,
Помня всю жизнь и пѣснь и напѣвъ.
Дѣвы, согласно что не поёте
Пѣсни святой минувшихъ временъ?
Въ *голосъ единый* что не сольете
Всѣхъ голосовъ славянскихъ племенъ?

Боже! когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ?
Да потечетъ сей потокъ-исполинъ,
Ясный, какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полъ-міра собой,
Землю украситъ могучей красой!

Старшая дочь въ семействѣ Славяна
Всѣхъ превзошла величіемъ стана:
Славой гремитъ, но грустно живетъ,
Въ теремѣ дни проводитъ, какъ ночи —
Грустно чело, заплаканы очи,
И заунывно пѣсни поётъ.

Что же не выйдешь въ чистое поле —
Не разгуляешь грусти своей?
Свѣтло душѣ на солнушкѣ-волѣ,
Сердцу тепло отъ ясныхъ лучей!

Въ поле спѣши съ меньшими сестрами
И хороводъ веди за собой;
Дружно сплетая руки съ руками,
Радостно пѣснь свободы запой!

Боже! когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ?
Да потечетъ сей потокъ-исполинъ,
Ясный, какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полъ-міра собой,
Землю украситъ могучей красой!

Сенъ-Бернаръ.

Во льдяныхъ шлемахъ великаны
Стоятъ, теряясь въ облакахъ,
И молній полные колчаны
Гремятъ на крѣпкихъ раменахъ.
Туманы зыбкими грядами,
Какъ поясъ, станъ ихъ облегли.
И разступилась грудь земли
Подъ ихъ гранитными стопами.

Храните благодатный югъ,
Соединясь въ завѣтный полукругъ,
Вы, чада пламени, о Альпы-исполины!
Храните вы, изъ вѣка въ вѣкъ.
Источники вѣчно-шумящихъ рѣкъ
И нѣжно-злачныя Ломбардіи долины!

Кто мчится къ Альпамъ? Кто летитъ
На огненномъ питомцѣ Нила?
Въ очахъ покойный взоръ горитъ,
Души неодолимой сила.
Въ немъ зрѣетъ новая борьба,
Грядущій рядъ побѣдъ летучихъ —
И неизбѣжны, какъ судьба,
Рѣшенья думъ его могучихъ.

Съ коня сошолъ онъ. Чуя бой,
Воскликнулъ Сенъ-Бернаръ: „Кто мой покой
Нарушить смѣлъ?“ Онъ рёкъ — и шумная лавина
Ниспала и закрыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошелъ —
И Альпы слили въ громъ глаголы исполина:

„Я узнаю тебя! ты съ нильскихъ пирамидъ
„Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
„Тебя, безсмертный вождь, мучительно томитъ
„Побѣды гладъ неутолимый;
„И имя, какъ самумъ на пламенныхъ пескахъ,
„Шумящее губительной грозою,
„Ты хочешь впечатлѣть желѣзною стопою
„Въ моихъ нетающихъ снѣгахъ.

„Нѣтъ, нѣтъ! Италіи не уступлю безъ боя!“
— Впередъ! — отвѣтъ могучій прозвучалъ . . .
Уже надъ безднами виситъ стезя героя;
И вверхъ, по ребрамъ голыхъ скалъ,
Гдѣ нѣтъ когтей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не вьютъ орлицы,
Идутъ полки съ довѣрьемъ за вождемъ;
Всходя, цѣпляются безстрашныхъ вереницы,
И въ мѣдныхъ жерлахъ взносятъ громъ.

Мрачится Сенъ-Бернаръ; одѣянъ бурной мглою,
Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою;
Сто устъ, сто безднъ раскрывъ со всѣхъ сторонъ,
Всѣмъ мразомъ смерти дышитъ онъ.
— Впередъ! — воскликнулъ вождь. „Впередъ!“ промчались клики . . .
Рѣдѣетъ мгла и небо разсвѣло . . .
И гордую стопу занесъ уже Великій
На исполинское чело!

„Италія твоя, мой чудный побѣдитель!
„Въ лучахъ блеститъ Маренго! Цѣпь побѣдъ
„По міру прогремитъ; но встанетъ крѣпкій мститель —
„И ты на свой наступишь слѣдъ.

„Свершая замыслы всемірнаго похода,
„Ты помни: твой предтеча Аннибалъ,
„Разбивъ вождей, не побѣдилъ народа —
„И грозный поворотъ фортуны испыталъ!

„Страшись! уже, на кликъ отечества и славы,
„Встаетъ народъ: онъ грань твоихъ путей!
„Всходящая звѣзда мужающей державы
„Уже грозитъ звѣздѣ твоей!
„Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ, есть конь и всадникъ мѣдный:
„Ударитъ конь копытами въ гранитъ
„И, кинувъ огнь въ сердца, онъ иткрою побѣдной
„Твой грозный лавръ испепелитъ!“ —

Ты знаешь ихъ?

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ чорную годину я дѣлилъ?
Ты знаешь ихъ? Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружный разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ;
И я опять внималъ родному звуку;
Казалось, былъ на родинѣ моей
Опять въ кругу союзниковъ-друзей.

Такъ путники идутъ на богомолье,
Сквозь огненно-песчаный океанъ —

И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ вдаль . . . лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы —
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

Экспромтъ.

Звучитъ вся жизнь, какъ звонкій смѣхъ;
Отъ жара чувствъ душа не вянетъ . . .
Люблю я всѣхъ — и пью за всѣхъ!
Вина, ей-Богу, не достанетъ!
Я меньше пью, за то къ винѣ
Воды во вѣкъ не примѣшаю . . .
Люблю одну — и за одну
Всю чашу жизни осушаю!

1828. Петровское.